

14542

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 2 «Журнала Министерства Юстиціи» (Февраль 1899 г.)

№ 4.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ

КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА.

- I. Протоколы засѣданій комитета группы 22 ноября 1898 г.
и 3 января 1899 г.
- II. Журналь перваго съѣзда членовъ русской группы Между-
народнаго союза криминалистовъ.

Вып. 1.

С.П.Б.

Типографія Правительствующаго Сената
1899.

14542

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 2 «Журнала Министерства Юстиціи» (Февраль 1899 г.)

№ 4.

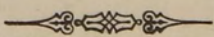
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ

КРИМИНАЛИСТОВЪ.

Материалы

РУССКАЯ ГРУППА.

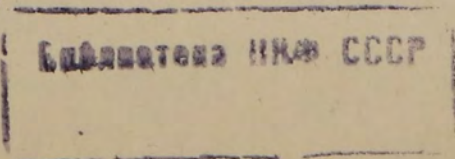
- I. Протоколы засѣданій комитета группы 22 ноября 1898 г. и 3 января 1899 г.
- II. Журналь перваго съѣзда членовъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ.

С.П.Б.

Типографія Правительствующаго Сената

1899.

4

ПРИЛОЖЕНИЕ

к 1-му изданию «Справочника по истории» (Москва, 1938 г.)

№ 1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

ТАБЛИЦА ПРИЛОЖЕНИЯ

71906

- I. Издание «Справочника по истории» (Москва, 1938 г.)
- II. Издание «Справочника по истории» (Москва, 1938 г.)

СЛОВО

Историко-географический словарь

1938

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ
КРИМИНАЛИСТОВЪ.
РУССКАЯ ГРУППА.

I.

Протоколъ засѣданія комитета 22 ноября 1898 г.

Засѣданіе комитета, подѣ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго, происходило въ составѣ Д. А. Дриля и А. А. Левенстима.

Въ виду кончины члена комитета В. П. Даневскаго, комитетъ единогласно постановилъ пригласить на мѣсто его кандидата А. К. Вульфберта, который и принялъ участіе въ засѣданіи.

А. А. Левенстимъ заявилъ о полученіи доклада М. В. Духовскаго по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи. Съ этимъ докладомъ успѣли уже ознакомиться И. Я. Фойницкій, Д. А. Дриль и А. А. Левенстимъ и, согласно предложенію ихъ, Комитетъ постановилъ о напечатаніи его въ матеріалахъ комитета.

Озабочиваясь исполненіемъ § 5 устава группы, комитетъ разсуждалъ о годичномъ собраніи членовъ группы, постановивъ:

1) созвать съѣздъ русской группы на 4 и 5 января 1899 года въ С.-Петербургѣ;

2) въ виду того, что изъ двухъ намѣченныхъ комитетомъ вопросовъ, по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи поступилъ одинъ только рефератъ (М. В. Духовскаго) и то лишь въ

самое послѣднее время, не вносить его въ программу съѣзда, ограничившись вопросомъ объ условномъ осужденіи, который настолько важенъ и обширенъ, что и самъ по себѣ можетъ дать богатый матеріалъ для дебатовъ;

3) объ изготовленіи для съѣзда докладовъ по этому вопросу войти въ сношеніе съ членами группы профессоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея А. А. Пionтвовскимъ и председателемъ Курскаго Юридическаго Общества И. М. Тютрюмовымъ;

4) составленіе отчета комитета возложить на А. А. Левенстима.

5) о дальнѣйшихъ частяхъ программы съѣзда имѣть сужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи комитета.

Члены комитета И. Я. Фойницкій и А. А. Левенстимъ представили въ члены русской группы съ 1899 года Михаила Михайловича Боровитинова, магистранта уголовного права при Спб. Университетѣ (Троицкая улица, № 19, Спб.). Постановили: принять М. М. Боровитинова и представить его центральному комитету международнаго союза криминалистовъ.

Председатель *И. Фойницкій.*

Члены комитета *Д. Дриль.*

А. Вульфертъ.

А. Левенстимъ.

Протоколь засѣданія комитета 3 января 1899 г.

Засѣданіе открыто въ 4 ч. дня въ составѣ председателя И. Я. Фойницкаго, кандидата председателя С. А. Муромцева и членовъ комитета Д. А. Дриля и А. А. Левенстима. Членъ комитета А. К. Вульфертъ не присутствовалъ по болѣзни.

Выслушанъ и принятъ проектъ отчета комитета за истекшій годъ, составленный А. А. Левенстимомъ. Постановили: на основаніи § 5 устава, представить отчетъ собранію группы, созванному на 4 и 5 января.

По вопросу о составѣ бюро съѣзда постановили: предложить съѣзду въ засѣданіи 4 января избрать председателями В. Д. Спасовича и Э. Я. Фукса, а секретарями съѣзда—С. К. Гогеля, А.

А. Жижиленко, В. Д. Набокова и В. В. Пржевальскаго, при участіи А. А. Левенстима.

По вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли предложить съѣзду о повышеніи годичнаго взноса съ русскихъ членовъ въ виду возвышенія мадридскимъ съѣздомъ взноса съ 7¹/₂ до 10 фр., комитетъ нашелъ, что крайней необходимости въ такомъ повышеніи нынѣ пока не усматривается.

Въ виду открытія съѣзда постановили: сообщить съѣзду о предположеніи комитета созвать въ теченіе наступившаго года другой съѣздъ; ознакомить съѣздъ съ предположенными лѣтомъ текущаго года съѣздами въ Будапештѣ и ихъ программу; озаботиться изготовленіемъ проекта резолюціи по вопросу о погасительной отсрочкѣ наказанія и ознакомить съѣздъ съ пожеланіями комитета о направленіи работъ съѣзда по этому вопросу.

Членами группы С. А. Муромцевымъ, А. А. Левенстимомъ, И. М. Тютрюмовымъ и И. Я. Фойницкимъ предложены въ члены группы слѣдующія лица:

1. *Гуссаковскій* Петръ Назарьевичъ, старшій юрисконсультъ М—ва Юстиціи . С.-Петербургъ, Шпалерная улица, № 3.
2. *Коптевъ* Дмитрій Алексѣевичъ, товарищъ оберъ-прокурора Прав. Сената . С.-Петербургъ, Адмиралтейская набережная, № 10.
3. *Макаровъ* Александръ Александровичъ, прокуроръ Московскаго окружнаго суда, . Москва, Пречистенка, д. баронессы Шэнингъ.
4. *Щеловитовъ* Иванъ Григорьевичъ, товарищъ оберъ-прокурора Прав. Сената . С.-Петербургъ, Захарьевская, 23.

Постановили: принять всѣхъ означенныхъ лицъ и представить ихъ центральному комитету.

Засѣданіе закрыто въ 6 час. вечера.

Предсѣдатель *И. Фойницкій*.

Кандидатъ предсѣдателя *С. Муромцевъ*.

Члены комитета *Д. Дриль, А. Левенстимъ*.

II.

Журналь Перваго съѣзда членовъ русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ.

По постановленію комитета русской группы Международнаго союза криминалистовъ отъ 22 ноября 1898 г. на 4 и 5 января 1899 г. былъ созванъ въ С.-Петербургѣ первый съѣздъ русской группы для обсужденія вопроса о желательности и возможности введенія въ Россіи условнаго осужденія какъ судебного института.

Засѣданіе 4 января состоялось въ зданіи Министерства Юстиціи и было открыто въ 1 ч. 20 м. пополудни, въ присутствіи 31 члена группы ¹⁾, председателемъ комитета группы проф. И. Я. Фойницкимъ, слѣдующею рѣчью.

„Мм. гг. Въ истекшемъ году завершился первый годъ существованія русской группы Международнаго союза криминалистовъ. Отчетъ комитета русской группы будетъ представленъ вамъ въ сегодняшнемъ засѣданіи. Изъ него вы усмотрите, что заботы комитета шли въ направленіяхъ расширенія состава группы, сношеній съ центральнымъ комитетомъ и научно-практической дѣятельности. Въ первомъ направленіи мы старались быть сдержанными, избѣгая какихъ бы то ни было рекламныхъ мѣръ для искусственнаго привлеченія новыхъ членовъ къ составу группы; исходя изъ убѣжденія о жизненности задуманнаго нами дѣла, мы полагали, что оно само собою привлечетъ къ себѣ адептовъ, и эта мысль нашла себѣ подтвержденіе въ значительно возросшемъ числѣ нашихъ сочленовъ, присоединившихся къ намъ по своему собственному почину; наиболѣе насъ порадовалъ значительный шагъ, сдѣланный Курскимъ Юридическимъ Обществомъ, почтеннаго представителя котораго мы съ

¹⁾ В. Я. Бахтеяровъ, М. М. Боровитиновъ, А. П. Булгаковъ, С. К. Гогель, В. Ф. Дерюжинскій, Д. А. Дриль, Г. Г. Евангуловъ, А. А. Жижиленко, В. Р. Завадскій, И. П. Закревскій, И. А. Ивановскій, Н. А. Ковалевъ, Д. А. Коптевъ, П. И. Казанскій, А. Д. Лаврентьевъ, А. А. Левенстимъ, С. А. Муромцевъ, В. Д. Набоковъ, Л. І. Петражицкій, А. А. Пюнтковскій, В. В. Пржевальскій, А. С. Протасевъ, А. К. ф.-Резонъ, Г. Б. Слюзбергъ, С. С. Соколовъ, В. Д. Спасовичъ, И. М. Тютрюмовъ, И. Я. Фойницкій, Э. Я. Фуксъ, Н. Э. Шмеманъ, И. Г. Щегловитовъ, Э. А. Эрштремъ.

истиннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ въ составѣ настоящаго съѣзда. Отъ центрального комитета мы получили приглашеніе на съѣздъ въ Будапештѣ, предположенный лѣтомъ текущаго года, и нынѣ комитетъ озабоченъ подготовленіемъ для него работъ отъ нашей группы; весьма желательно, чтобы наши сочлены тамъ присутствовали. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ центральнымъ комитетомъ велись переговоры на почвѣ денежной, такъ какъ наша группа оказалась въ положеніи крайне трудномъ; ежегодный взносъ въ 5 руб. у насъ былъ установленъ при цифрѣ взноса въ центральную кассу 7¹/₂ фр., а между тѣмъ тотчасъ послѣ образованія нашей группы послѣдній взносъ былъ увеличенъ до 10 фр., такъ что для покрытія нашихъ мѣстныхъ расходовъ оставалось менѣе рубля; недочетъ пришлось покрыть пожертвованіями и принятіемъ членами комитета на себя многихъ текущихъ расходовъ.

Но самую главную часть заботъ комитета составили, конечно, заботы въ направленіи научномъ, или, правильнѣе, научно-практическомъ, котораго держится наша группа по завѣту Международнаго союза, часть котораго мы составляемъ. Въ этомъ отношеніи комитетъ въ минувшемъ году оказался въ особенныхъ условіяхъ. Многія силы, на которыя онъ имѣлъ основаніе рассчитывать, оказались отвлеченными въ другія стороны; истекшій годъ отличался по истинѣ кипучею законодательною дѣятельностью въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи, потребовавшею многихъ работниковъ; въ то же время многимъ нашимъ сочленамъ пришлось принять дѣятельное участіе въ трудахъ пенитенціарной комисіи, учрежденной въ виду предстоящаго международнаго конгресса въ Брюсселѣ, а также комисіи для борьбы съ алкоголизмомъ, учрежденной при обществѣ охраненія народнаго здравія. Въ результатъ этого было то, что изъ многихъ вопросовъ, намѣченныхъ комитетомъ, на настоящій съѣздъ могъ быть предложенъ только одинъ вопросъ—о погасительной отсрочкѣ исполненія приговора, хотя, впрочемъ, самъ по себѣ онъ настолько обширенъ и важенъ, что одинъ можетъ сосредоточить на себѣ вниманіе всего съѣзда. Но и этотъ вопросъ является предъ вами, гг., при нѣсколько особенной обстановкѣ. Отъ принятія погасительной отсрочки, какъ извѣстно, воздержался разсматриваемый нынѣ законодательною властью проектъ уголовного уложенія, такъ что вопросъ о немъ какъ бы предрѣшенъ. Конечно, всѣ старанія русскихъ криминалистовъ должны быть направлены не къ тому, чтобы тормозить этотъ проектъ, а къ тому, напротивъ, чтобы по мѣрѣ силъ содѣйствовать скорѣйшему превращенію его въ законъ

положительный. Однако, мы здѣсь призваны не къ непосредственному законодательному рѣшенію тѣхъ или иныхъ вопросовъ, а къ выясненію ихъ и къ подготовкѣ общественнаго мнѣнія къ правильному ихъ рѣшенію. При такомъ различіи задачъ, мы можемъ отнестись къ тому же вопросу съ полною самостоятельностью, и тѣмъ болѣе, что сами составители проекта объ институтѣ погасительной отсрочки наказанія въ принципѣ высказались сочувственно, объяснивъ свою сдержанность лишь нѣкоторою особенностью русскихъ условій.

Комитетъ полагаетъ, что группа, какъ учрежденіе научно-практическое, и должна сосредоточить свое вниманіе на этихъ условіяхъ, отнюдь не теряя времени и силъ на темы чисто абстрактныя, какъ, напр., на то, есть ли условное осужденіе наказаніе или нѣтъ, или на споры о названіи, и не осложняя подлежащаго разсмотрѣнію предмета посторонними ему вопросами, къ числу которыхъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ лишенія свободы вообще и краткосрочнаго въ частности. Если даже погасительная отсрочка будетъ принята, и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, все же лишеніе свободы какъ наказаніе сохранится, сохранится и необходимость заботъ государства и общества о надлежащей его постановкѣ. Погасительная отсрочка, предполагая въ перспективѣ возможное примѣненіе лишенія свободы, не можетъ занять мѣсто послѣдняго въ карательной системѣ; она можетъ лишь сократить его примѣненіе. Вопросъ о погасительной отсрочкѣ былъ собственно продуктомъ сознанія глубокихъ различій между разными категоріями преступниковъ и необходимости особенностей, требуемыхъ преступниками случайными, спорадическими. Да и по существу дѣла, краткосрочное заключеніе у насъ стоитъ иначе, чѣмъ на западѣ, такъ какъ средняя продолжительность его въ Россіи гораздо выше. Избѣгая такихъ и подобныхъ имъ осложненій, мы должны остерегаться также умозрительныхъ увлеченій, памятуя, что на наши первые шаги обращены взоры Россіи и что неправильный или даже преувеличенный аргументъ можетъ гораздо болѣе повредить идеѣ, въ пользу которой онъ приводится, чѣмъ самая сильная критика его. Вниманіе наше должно сосредоточиться на слѣдующихъ четырехъ вопросахъ: 1) представляются ли непреодолимыми тѣ практическія затрудненія, которыя приводятся противъ введенія въ Россіи института погасительной отсрочки, и если нѣтъ, то слѣдуетъ ли признать желательнымъ принятіе этого института въ

наше законодательство; 2) слѣдуетъ ли принять его въ формѣ акта судебного или акта помилованія; 3) каковъ долженъ быть объемъ примѣненія его: а) по тяжести наказанія; б) по роду преступнаго дѣянія и в) по личнымъ условіямъ осужденнаго, въ частности— по его прежней судимости, и 4) какія мѣры могутъ быть рекомендованы для устраненія и ослабленія такихъ затрудненій: а) въ отношеніи органовъ, которымъ примѣненіе его можетъ быть предоставлено, и порядка его примѣненія, и б) въ отношеніи регистраціи отсрочки. Выясненіемъ этихъ вопросовъ съѣздъ дастъ полное освѣщеніе институту погасительной отсрочки, насколько вопросъ о немъ въ настоящее время представляется практически важнымъ для нашего отечества.

Ограничившись для настоящаго съѣзда однимъ лишь, но достаточно обширнымъ вопросомъ объ условномъ осужденіи, комитетъ имѣетъ мысль еще въ теченіе наступившаго года созвать второй съѣздъ, для котораго намѣчаются вопросы объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ и о ссылкѣ, особенно же о категоріяхъ лицъ, къ которымъ ссылка безусловно не должна имѣть примѣненія. Мы будемъ искренно признательны вамъ, г.г., какъ за доставленіе въ скорѣйшемъ времени работъ по этимъ вопросамъ, такъ и за сообщеніе намъ другихъ вопросовъ, внесеніе которыхъ въ съѣзды, по мнѣнію вашему, представляется желательнымъ.

Кромѣ того въ этомъ году предстоитъ два съѣзда въ Будапештѣ. Первый—съѣздъ членовъ Международнаго союза криминалистовъ въ первой половинѣ сентября новаго стиля.

Программа съѣзда слѣдующая:

А. Вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію съѣзда.

1) Выясненіе существа нарушеній (опредѣленіе, репрессія и порядокъ производства).

а) Такъ какъ усматривается существенная разница между нарушеніями, т. е. дѣяніями, направленными противъ правъ полиціи— съ одной стороны, и нарушеніями, прямо предусмотрѣнными самимъ уголовнымъ правомъ— съ другой стороны, то союзъ желаетъ знать, какъ эта разница проведена въ вашей странѣ: 1) въ общихъ положеніяхъ уголовного права (о соучастіи, покушеніи, рецидивѣ и т. д.), 2) въ карательныхъ постановленіяхъ, 3) въ процессуальныхъ постановленіяхъ (предварительное разслѣдованіе и т. д.), 4) въ судебныхъ учрежденіяхъ (подсудность мировыхъ судей).

b) Такъ какъ не должно быть существенной разницы между дѣянiями, которыя законъ называетъ „преступленiями“, и дѣянiями, называемыми проступками, то союзъ желаетъ знать, какiя въ дѣйствительности распоряженiя содержатъ по этому предмету законы вашей страны.

c) Какiя по вашему мнѣнiю измѣненiя должны быть внесены въ законы, устанавливающiе эту классификацiю.

II) Влiянiе старости на отвѣтственность за уголовныя дѣянiя.

III) Международная защита малолѣтнихъ отъ продажи ихъ для разврата (*la traite des blanches*).

V. Сообщенiя по выбору лицъ, предлагающихъ таковыя.

C. Различныя предложенiя относительно внутренняго

устройства союза:

1) выборъ мѣстопребыванiя,

2) вопросы, касающiеся печатанiя бюллетеня,

3) вопросы, касающiеся печатанiя изданiя („Сравненiе уголовныхъ законодательствъ“).

Другой сѣздъ во второй половинѣ сентября тоже въ Будапештѣ о защитѣ малолѣтнихъ составляетъ продолженiе Флорентiйскаго сѣзда.

Программа его слѣдующая:

I) Слѣдуетъ ли издать особыя законодательныя постановленiя въ видахъ попеченiя о защитѣ дѣтей въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются основанiя опасаться:

1) что, благодаря злоупотребленiю отцомъ или матерью ихъ родительскою властью или попечителями ихъ опекунскою властью, жизнь и здоровье физическое и умственное дѣтей подвергается большимъ опасностямъ?

2) что влiянiе или примѣръ родителей или попечителей испортить нравственность дѣтей или беззаботность этихъ лицъ дастъ возможность дѣтямъ испортиться нравственно, такъ что есть основанiе предполагать, что безъ вмѣшательства государственной власти они сдѣлаются опасными для общества?

Въ утвердительномъ случаѣ: какiя распоряженiя желательно было бы провести законодательнымъ путемъ? И вообще, внѣ законодательства, къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгнуть, чтобы вѣрнѣе достигнуть успѣха въ охраненiи физическаго и нравственнаго здоровья дѣтей?

II) Къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгнуть, чтобы защитить интересы ребенка, привлеченнаго къ суду?

III) Слѣдуетъ ли сохранить различія между дѣтymi законными и незаконными, установленными законами гражданскими.

Огласивъ эти двѣ программы, я позволяю себѣ выразить надежду, что члены русской группы Международнаго союза криминалистовъ заинтересуются ими и примутъ дѣятельное участіе въ этихъ сѣздахъ какъ своими работами, такъ и личнымъ присутствіемъ на сѣздахъ.

На основаніи § 5 устава имѣю честь объявить сѣздъ русской группы криминалистовъ открытымъ. Намъ прежде всего необходимо организовать бюро сѣзда. Комитетъ имѣетъ честь предложить вамъ, Мм. гг., избрать предсѣдателями настоящаго сѣзда В. Д. Спасовича и Э. Я. Фукса, и секретарями С. К. Гогеля, А. А. Жижиленко, В. Д. Набокова и В. В. Пржевальскаго при участіи А. А. Левенстима.

Указанныя предсѣдателемъ комитета лица были избраны собраніемъ, выразившимъ свое согласіе аплодисментами. Затѣмъ по занятіи предсѣдательскаго мѣста В. Д. Спасовичемъ, членъ комитета, исполнявшій обязанности секретаря группы, А. А. Левенстимъ прочелъ отчетъ о составѣ, дѣятельности и состояніи денежныхъ средствъ русской группы за 1898 г. слѣдующаго содержанія:

Число русскихъ членовъ, входившихъ въ составъ Международнаго союза криминалистовъ постепенно сдѣлалось настолько значительнымъ, что признано было вполнѣцѣлесообразнымъ основать русскую группу, которая могла бы посвятить себя самостоятельной дѣятельности по разработкѣ правовыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ практикой русскихъ судовъ и условіями нашей жизни. Поэтому въ 1897 году былъ возбужденъ вопросъ объ основаніи группы и уже 5 іюня 1897 года покойный Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Деляновъ утвердилъ ея уставъ. Въ силу § 1 сего устава означенная группа союза открывается при Юридическомъ Обществѣ, состоящемъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Основателями группы считаются русскіе подданные, которые до утвержденія устава состояли членами международнаго союза криминалистовъ. Такихъ лицъ значитса по списку 21. Затѣмъ 23 ноября въ первомъ организаціонномъ собраніи было избрано въ члены группы 29 лицъ; въ теченіе года поступило 12 лицъ, а въ декабрѣ еще 9, которые зачислены членами съ 1 января 1899 г. Къ сожалѣнію группа понесла потери: умерли графъ И. Д. Деляновъ, проф. В. П. Даневскій и приватъ-доцентъ Яро-

славскаго Лицея Д. Н. Стефановскій. Отмѣчая эти прискорбныя утраты, комитетъ не можетъ не упомянуть о томъ тепломъ участіи, съ которымъ покойный графъ И. Д. Деляновъ отнесся къ нашему обществу; утвердивъ въ качествѣ Министра Народнаго Просвѣщенія уставъ группы, онъ первый же записался въ ея члены (къ сожалѣнію смерть слишкомъ рано похитила его изъ нашей среды). Въ настоящее время составъ группы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: всѣхъ членовъ 71, изъ нихъ 62 числилось съ 1898, а 9 съ 1 января 1899 года.

Комитетъ группы состоялъ въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя И. Я. Фойницкаго, кандидата предсѣдателя С. А. Муромцева, членовъ комитета: Д. А. Дриля, В. П. Даневскаго и А. А. Левенстима; кандидатовъ: А. К. Вульфферта, В. О. Дерюжинскаго и В. В. Микляшевскаго. Работа была распределена между членами комитета слѣдующимъ образомъ: обязанности секретаря принялъ на себя А. А. Левенстимъ, казначея Д. А. Дриль, бібліотекаря В. П. Даневскій. Въ виду кончины послѣдняго въ комитетъ вступилъ А. К. Вульффертъ.

Въ теченіе отчетнаго года комитетъ собирался 6 разъ ¹⁾. Предметомъ занятій были прежде всего вопросы объ организаціи дѣятельности группы и вопросы хозяйственныя. Такой образъ дѣйствій комитета вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что группа только - что основана и необходимо было, съ одной стороны, опредѣлить ея отношеніе къ центральному комитету, обезпечивъ всѣмъ членамъ исправное полученіе изданій союза, а съ другой стороны комитету пришлось озаботиться пріисканіемъ средствъ, чтобы имѣть возможность не только покрыть неизбѣжныя расходы, но и обезпечить существованіе группы небольшою суммою.

Въ отношеніи научной дѣятельности, комитетъ, исполняя порученіе организаціоннаго собранія отъ 23 ноября 1897 года, остановился на разработкѣ двухъ вопросовъ: условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія, такъ какъ эти институты подробно разработаны въ западной литературѣ и приняты законодательствами многихъ государствъ. Озабочиваясь привлеченіемъ къ участію въ трудахъ необходимыхъ научныхъ силъ, комитетъ обратился къ нижеслѣдующимъ лицамъ съ просьбою принять на себя трудъ разработки означенныхъ вопросовъ:

¹⁾ 25 ноября 1897 г., 17 января, 17 марта, 24 сентября, 22 ноября 1898 г. и 3 января 1899 г.

а) *объ условномъ осужденіи*: къ С. К. Гогелю, А. А. Жижиленко, А. А. Піонтковскому и В. В. Пржевальскому;

б) *объ условномъ досрочномъ освобожденіи изъ заключенія*: къ В. П. Даневскому, Д. А. Дрилю, М. В. Духовскому и В. В. Есипову.

Въ отвѣтъ на призывъ Комитета нижепоименованныя лица прислали свои доклады, которые представляютъ серьезный интересъ въ виду ихъ полноты и новизны изложенныхъ фактовъ и соображеній. Объ условномъ осужденіи поступило 3 доклада: отъ С. К. Гогеля, А. А. Жижиленко и А. А. Піонтковского; сверхъ того А. А. Жижиленко составилъ особую программу вопросовъ для того, чтобы облегчить детальное изученіе этого института.

Напротивъ, относительно условнаго досрочнаго освобожденія былъ представленъ въ самое послѣднее время лишь одинъ докладъ, составленный М. В. Духовскимъ.

Комитетъ, разсмотрѣвъ эту работу, нашелъ, что она представляетъ собою весьма цѣнный трудъ, такъ какъ въ ней не только разработана теоретически сторона вопроса, но и приняты во вниманіе условія русской жизни. Тѣмъ не менѣе комитетъ не могъ не принять во вниманіе, что для всесторонняго обсужденія вопроса желательно, чтобы матеріалъ былъ собранъ болѣе полный и разработанъ нѣсколькими лицами; въ виду таковыхъ соображеній было признано предпочтительнымъ предложить настоящему съѣзду лишь вопросъ объ условномъ осужденіи, который настолько важенъ и обширенъ, что онъ и самъ по себѣ можетъ дать богатый матеріалъ для дебатовъ.

Доклады, полученные комитетомъ, протоколы его засѣданій и списки членовъ печатались въ Журналѣ Министерства Юстиціи, а отдѣльные оттиски разсылались г.г. членамъ и сданы для продажи въ книжный складъ М. М. Стасюлевича. Затѣмъ уставъ русской группы и списокъ ея членовъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ былъ напечатанъ въ бюллетенѣ Международнаго союза (1897 г. кн. 1).

Денежныя средства группы выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

къ казначею поступило съ 21 декабря 1897 года по 1 января 1899 года:

1) пожертвованій	194 руб.
2) членскихъ взносовъ	305 „
Итого	499 „

Израсходовано:

на типографскіе расходы . .	27 р. 50 к.
„ почтовые „ . .	16 „ 70 „
„ уплату членскихъ взносов выслано книгопродавцу Гут- тентагу въ Берлинѣ . . .	227 „ 10 „
„ покупку процентныхъ бу- магъ	196 „ 30 „
Итого	477 „ 87 „

Такимъ образомъ, активъ русской группы представляется въ двухъ закладныхъ листахъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за № 61383 и 61384 номинальной стоимости въ сто рублей каждый и 21 р. 13 к., находящихся на рукахъ у казначея.

Подписали отчетъ: *И. Я. Фойницкій, А. К. Вульфбертъ, Д. А. Дриль, А. А. Левенстимъ.*

По прочтеніи отчета, онъ былъ утвержденъ собраніемъ, послѣ чего слово было предоставлено члену союза, проф. Казанскаго Университета А. А. Пюнтковскому, сообщившему докладъ о существѣ и цѣлесообразности института условнаго осужденія, слѣдующаго содержанія:

Милостивые государи!

Все возрастающій интересъ къ уголовно-правовымъ проблемамъ—характерная особенность конца истекающаго столѣтія. Вопросы, касающіеся цѣлесообразной постановки дѣла борьбы съ преступностью, обращаютъ на себя все большее и большее вниманіе. Современная уголовная политика громче и громче заявляетъ о необходимости видоизмѣненія организаціи дѣла борьбы съ преступностью, указываетъ средства къ устраненію присущихъ этому дѣлу недостатковъ, открываетъ новые пути для развитія и усовершенствованія уголовного законодательства.

Въ ряду мѣръ, могущихъ содѣйствовать улучшенію современнаго дѣла борьбы съ преступностью, особеннаго вниманія заслуживаетъ институтъ условнаго осужденія.

Въ этомъ институтѣ современная уголовно-политическая мысль усмотрѣла одно изъ цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ случайнымъ преступнымъ людомъ, съ преступностью острой, эпизодичной, и стала настойчиво пропагандировать принятіе его уголовными законодательствами.

Пропаганда эта увѣнчалась успѣхомъ. Знаменательныя, пророческія слова маститаго криминалиста Бернера о распространеніи института условнаго осужденія по всѣму цивилизованному міру, повидимому, начинаютъ сбываться.

Извѣстный до 1887 года лишь С. Америкѣ и Австраліи, этотъ институтъ въ настоящее время успѣлъ получить законодательную санкцію и въ Англіи, и въ Бельгіи, и во Франціи, и въ Норвегіи, и въ Португаліи, и въ Люксембургѣ, и въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Онъ на пути къ этой санкціи въ Австріи и Германіи. Всѣ существующіе въ Западной Европѣ проекты уголовныхъ уложеній успѣшили отвести ему подобающее мѣсто.

Наше законодательство до настоящаго времени чуждо этому охватившему Европу движенію. Образцовый во многихъ отношеніяхъ проектъ нашего будущаго уголовного уложенія института условнаго осужденія совершенно не знаетъ.

Правильно ли такое отрицательное отношеніе къ этому институту? Желательно ли и выгодно ли оно для дѣла борьбы съ преступностью? Или, быть можетъ, въ интересахъ успѣха этого дѣла, и намъ необходимо послѣдовать по пути, намѣченному западно-европейскими законодательствами? Разрѣшеніе этихъ крайне для насъ существенныхъ вопросовъ возможно только путемъ безпристрастнаго уясненія значенія института условнаго осужденія для дѣла борьбы съ преступностью вообще и для цѣлесообразной постановки этого дѣла у насъ въ Россіи, въ частности.

На обрисовкѣ этого значенія я и позволю себѣ остановить Ваше благосклонное вниманіе.

Условное осужденіе—не что иное какъ спеціальное карательное средство, предназначенное для борьбы съ особой категоріей преступнаго люда—съ случайными преступниками. Сущность его заключается въ отпущеніи осужденнаго на опредѣленный періодъ времени на испытаніе, вмѣсто немедленнаго примѣненія къ нему причитающагося за учиненное злодѣяніе наказанія въ видѣ тюрьмы или штрафа, подъ угрозой примѣненія этого исполненіемъ пріостановленнаго наказанія, на случай нарушенія въ періодъ испытанія указанныхъ условій (главнымъ образомъ, на случай совершенія въ этотъ періодъ новаго преступнаго дѣянія).

Съ примѣненіемъ условнаго осужденія причитающееся за учиненное злодѣяніе наказаніе въ матеріальной его формѣ исполненіемъ пріостанавливается и при извѣстныхъ условіяхъ даже окончательно отпадаетъ. Мѣсто этого пріостановленнаго наказанія за-

нимаетъ угроза его исполненіемъ, висѣщая надъ головой осужденнаго въ теченіе опредѣленнаго періода времени.

Несмотря на разнообразіе формъ своего выраженія (условное осужденіе выражается въ разнообразныхъ формахъ; всѣ эти формы сводятся къ тремъ основнымъ: 1) массачузетско-австралійской, характерной особенностью которой представляется подчиненіе отпущеннаго на испытаніе спеціальному надзору и руководству; 2) англійской, характерной чертой которой является связь отпущенія на испытаніе съ представленіемъ поручительства; и 3) континентально-европейской, не знающей осложненій присущихъ первымъ двумъ формамъ), условное осужденіе сохраняетъ всюду свой основной характеръ; оно является *спеціальной угрозой*, обращенной къ осужденному,—угрозой, замѣняющей собою наказаніе въ его матеріальной формѣ и въ виду этого сокращающей область примѣненія послѣдняго.

Представляется ли оказываемое имъ воздѣйствіе достаточнымъ для достиженія желанныхъ результатовъ въ борьбѣ съ случайнымъ преступнымъ людомъ?

И теоретическія и практическія соображенія говорятъ въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Для достиженія желанныхъ результатовъ условное осужденіе заключаетъ въ себѣ достаточно нужныхъ элементовъ, а характеръ и особенности лицъ, для борьбы съ которыми оно предназначается, представляются для этого подходящей почвой.

Случайные преступники—обыкновенные средніе люди, отличающіеся отъ невступившихъ на преступный путь, быть можетъ, нѣсколько бѣльшей неуравновѣшенностью, нѣсколько бѣльшей обездоленностью. Это — не глубоко-испорченныя, безсердечныя, погрязшія въ пороки и преступленія лица. Имъ не чужды понятія и о чести, и о правѣ, и о долгѣ. Они не избѣгаютъ труда. Раскаянье и сожалѣніе, въ большинствѣ случаевъ, неизбѣжный спутникъ учиненнаго ими. Преступленіе въ ихъ жизни—нѣчто эпизодичное, обусловленное скорѣе неблагоприятными окружающими ихъ условіями внѣшней среды, чѣмъ присущими имъ моральными недостатками.

Въ борьбѣ съ этого рода преступниками можетъ быть преслѣдуема только одна цѣль—приспособленіе ихъ къ условіямъ общезжитія. Эта цѣль можетъ быть достигнута путемъ развитія, усиленія и укрѣпленія въ нихъ сдерживающихъ отъ дальнѣйшей преступной дѣятельности импульсовъ. И въ этомъ отношеніи ока-

зываемое примѣненіемъ условнаго осужденія воздѣйствіе представляется, въ большинствѣ случаевъ, вполне подходящимъ средствомъ.

Постановленіе обвинительнаго приговора, связанное съ примѣненіемъ условнаго осужденія, не можетъ не быть для случайныхъ преступниковъ тяжелымъ, не скоро забываемымъ воспоминаніемъ. Закрывающаяся въ этомъ приговорѣ *спеціальная угроза*, рельефно обрисовывающая вредныя послѣдствія дальнѣйшихъ закононарушеній, представляетъ изъ себя достаточно ощутительное зло, чтобы возбудить стремленіе избавиться отъ возможности его наступленія. Перспектива подвергнуться лишенію свободы или штрафу не можетъ не внушить, въ большинствѣ случаевъ, серьезныхъ опасеній. Штрафъ для преступниковъ, обыкновенно, матеріально необезпеченныхъ, нѣчто крайне тяжелое, тѣмъ болѣе, что онъ, въ виду ихъ несостоятельности, почти всегда замѣняется лишеніемъ свободы. Возможность же подвергнуться лишенію свободы, познакомиться съ тюрьмой и ея обитателями для лицъ съ неугасимымъ еще моральнымъ чувствомъ, для лицъ, временно заблудшихся, дорожащихъ своей репутаціей и сожалеющихъ о содѣянномъ (а эти свойства присущи случайнымъ преступникамъ)—нѣчто грозное, могущее внушить серьезное чувство страха.

Роберт

Воздѣйствіе этой спеціальной угрозы въ связи съ возможностью, всецѣло зависящей отъ осужденнаго, избавиться отъ наступленія связанныхъ съ нею вредныхъ послѣдствій, не можетъ, въ большинствѣ случаевъ, не содѣйствовать усиленію оказавшихся прежде слабыми сдерживающихъ отъ преступной дѣятельности импульсовъ. Воздѣйствіе этой спеціальной угрозы, висящей опредѣленный періодъ времени надъ головой осужденнаго и тѣмъ самымъ приучающей его сообразоваться съ требованіями закона, не можетъ, даже помимо какихъ-либо осложненій, не вызвать образованія привычки дѣйствовать въ легальномъ направленіи. Образованіе же такого рода привычки влечетъ за собою окончательное приспособленіе къ условіямъ общежитія.

Возможность достиженія такого результата путемъ условнаго осужденія подтверждается произведенными до сихъ поръ опытами его примѣненія. Статистическія данныя, касающіяся этого примѣненія, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о полномъ успѣхѣ. Въ С. Америкѣ результаты примѣненія условнаго осужденія (извѣстнаго тамъ подъ именемъ системы испытанія) выражаются въ достиженіи болѣе чѣмъ въ 90 случаяхъ на 100 желанной цѣли. Къ такимъ же результатамъ приводитъ примѣненіе условнаго осужденія въ Австраліи (же-

ланная цѣль достигается въ 93 случаяхъ на 100) и въ Англіи (въ 90 случаяхъ на 100 примѣненіе условнаго осужденія оканчивается удачею). Въ Бельгіи, судя по послѣднимъ официальнымъ даннымъ, обнимающимъ собою періодъ съ 1888—1895 годъ включительно, результаты примѣненія условнаго осужденія выразились въ достиженіи въ 96,5 случаяхъ на 100 желанной цѣли; неудача примѣненія едва достигаетъ 4%, въ то время какъ неудача примѣненія другихъ карательныхъ средствъ выражается въ быстромъ развитіи рецидива, достигающемъ 50%! Во Франціи, судя по даннымъ, касающимся примѣненія условнаго осужденія съ 1891—1895 годъ, примѣненіе это такъ же плодотворно, какъ и въ Бельгіи. За этотъ періодъ условное осужденіе было примѣнено почти въ 95000 случаяхъ и въ 95,6 случаяхъ на сто оно окончилось удачею; неудача выразилась въ такомъ процентномъ отношеніи, какъ 4,4%.

Эти соображенія, думается мнѣ, вполне достаточны для признанія условнаго осужденія однимъ изъ целесообразныхъ средствъ борьбы съ случайными преступниками.

Даже еслибы не существовало другихъ соображеній, говорящихъ въ пользу условнаго осужденія, то и этихъ было бы достаточно для признанія необходимости включенія условнаго осужденія въ карательныя системы.

Если бы достиженіе плодотворныхъ результатовъ въ борьбѣ съ случайнымъ преступнымъ лицомъ всегда было бы возможно при посредствѣ примѣненія штрафовъ либо лишенія свободы, то это обстоятельство не исключало бы необходимости примѣненія условнаго осужденія, такъ какъ въ борьбѣ съ преступнымъ лицомъ слѣдуетъ, по возможности, щадить личность преступника и прибѣгать къ суровымъ, радикальнымъ средствамъ лишь тогда, когда менѣе суровыя, болѣе гуманныя оказываются безсильными.

Но приведенными соображеніями значеніе условнаго осужденія не ограничивается. Условное осужденіе самымъ фактомъ своего примѣненія оказываетъ значительное содѣйствіе устраненію присущихъ современнымъ карательнымъ системамъ недостатковъ, губельно отражающихся на успѣхѣ дѣла борьбы съ преступностью.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ современнаго карательнаго механизма представляется, какъ извѣстно, чрезмѣрное примѣненіе краткосрочнаго лишенія свободы.

Этотъ видъ лишенія свободы, отбываемый преимущественно въ несоотвѣтствующихъ своему назначенію карательныхъ учрежде-

ніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, не только не оказываетъ благотворнаго воздѣйствія на заключенныхъ, но окончательно ихъ деморализируетъ, деградируетъ ихъ какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ общества, и въ виду этого приводитъ къ результатамъ діаметрально противоположнымъ интересамъ борьбы съ преступностью: онъ содѣйствуетъ развитію послѣдней, способствуя преобразованію случайныхъ преступниковъ въ преступниковъ профессиональныхъ—этихъ, въ большинствѣ случаевъ, непримиримыхъ враговъ общежитія. Если даже кому-либо изъ заключенныхъ и удастся покинуть тюремныя стѣны, сохранивъ свое нравственное достоинство, то самый фактъ пребыванія въ карательномъ учрежденіи нерѣдко представляется для него непреодолимымъ препятствіемъ въ борьбѣ за существованіе: бывшаго тюремнаго сидѣльца избѣгаютъ, его сторонятся, пути къ честной и трудовой жизни для него все болѣе и болѣе суживаются, а иногда и окончательно закрываются.

Поэтому однимъ изъ существенныхъ средствъ улучшенія современной постановки дѣла борьбы съ преступностью представляется, наряду съ реорганизаціей карательныхъ учреждений, сокращеніе потребности въ пользованіи ими, сведеніе этой потребности до возможнаго minimum'a.

Это сокращеніе и достигается примѣненіемъ условнаго осужденія.

Этимъ примѣненіемъ значительно устраняются тѣ вредныя послѣдствія, которыя являются неизбѣжнымъ спутникомъ функционированія современныхъ карательныхъ учреждений. Этимъ примѣненіемъ спасаютъ многихъ преступниковъ отъ окончательнаго паденія, избавляя ихъ отъ губительнаго вліянія пагубной тюремной атмосферы, облегчаютъ многимъ приспособленіе къ честной и трудовой жизни, устраняя то недовѣріе, которое, обыкновенно, обнаруживается къ лицамъ, побывавшимъ уже въ карательныхъ учрежденіяхъ, и способствуютъ, такимъ образомъ, устраненію, хотя и частичному, тѣхъ условій внѣшней среды, которыя, создавая для разъ заблудшагося человѣка безвыходное положеніе, прикрѣпляютъ его навсегда къ преступной дѣятельности. Этимъ примѣненіемъ, наконецъ, сокращается количество тюремныхъ сидѣльцевъ, освобождаются карательныя учрежденія отъ излишняго балласта, замѣтно въ виду этого уменьшаются расходы на содержаніе этихъ учреждений и тѣмъ самымъ значительно устраняются препятствія къ проведенію крайне желанной тюремной реформы.

Такое значеніе условнаго осужденія *заставляетъ насъ признатьъ его однимъ изъ природныхъ средствъ улучшенія современнаго карательнаго механизма.*

Обстоятельства, обусловливающія собою цѣлесообразность условнаго осужденія и необходимость включенія его въ карательныя системы, носятъ, такъ сказать, универсальный характеръ.

Случайные преступники не составляютъ достоянія какой-либо одной національности. Они существуютъ всюду. Существуютъ они и среди нашего преступнаго люда, что хорошо извѣстно всякому, имѣвшему случай соприкасаться съ нашимъ тюремнымъ населеніемъ.

Наши карательныя учрежденія, несмотря на значительныя улучшения, произведенныя съ образованія Главнаго Тюремнаго Управленія, заставляютъ желать еще очень и очень многого: отсутствіе надлежащей классификаціи заключенныхъ, общность ихъ содержанія — эти благопріятныя условія для деморализаціи заключенныхъ — обыкновенное явленіе въ нашихъ карательныхъ учрежденіяхъ.

Краткосрочное лишеніе свободы — обычное и у насъ орудіе борьбы съ преступностью.

Нельзя поэтому не придти къ заключенію, что *включеніе условнаго осужденія и въ нашу карательную систему представляется крайне цѣлесообразнымъ и необходимымъ.*

Быть можетъ, однако, на пути этого включенія стоятъ какія-либо серьезныя, непреодолимыя препятствія? Быть можетъ, связанныя съ этимъ включеніемъ выгодныя послѣдствія парализуются какими-либо вредными для дѣла борьбы съ преступностью?

Указываютъ на неспособность судебныхъ органовъ къ примѣненію условнаго осужденія и на возможный съ ихъ стороны при этомъ примѣненіи произволъ.

Указаніе на неспособность судебныхъ органовъ краснорѣчиво опровергнуто опытомъ странъ, знающихъ условное осужденіе. Предполагать такую неспособность въ нашихъ судебныхъ органахъ основаній не представляется. Да и собственно говоря, довѣрить судебнымъ органамъ примѣненіе условнаго осужденія не значитъ возложить на нихъ какую-то непосильную задачу. Современный процессъ для разрѣшенія этой задачи создаетъ подходящую обстановку, предоставляя возможность изучать характеръ и особенности обвиняемаго, мотивы, толкнувшіе его на преступный путь, ознакомиться съ его прошлымъ, уяснить детально всю фактическую сторону дѣла. Разрѣшить на основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ вопросъ о примѣнимости условнаго

осужденія къ данному агенту—простая и несложная задача, не требующая какой-либо спеціальной подготовки, а лишь здраваго смысла, въ которомъ, конечно, никто не рѣшится отказать нашимъ судебнымъ органамъ.

Правда, при разрѣшеніи этой задачи возможны ошибки, но ошибки эти не могутъ имѣть такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ ошибки (тоже возможныя) при примѣненіи другихъ наказаній, такъ какъ съ примѣненіемъ условнаго осужденія связывается въ значительной степени возможность исправленія этихъ ошибокъ: неудачно примѣненное условное осужденіе влечетъ за собою исполненіе пріостановленнаго наказанія.

Что же касается возможности проявленія со стороны судебныхъ органовъ при примѣненіи условнаго осужденія какого-либо опаснаго для индивидуальныхъ и коллективныхъ интересовъ произвола, то такое предположеніе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Конечно, во всякой дѣятельности, а слѣдовательно и судебной, возможенъ произволъ, однако въ занимающемъ насъ случаѣ возможность этого произвола сводится къ нулю, во-первыхъ, потому, что границы примѣненія условнаго осужденія заранѣе точно опредѣляются закономъ, во-вторыхъ, потому, что примѣненіе условнаго осужденія обыкновенно мотивируется, и, въ-третьихъ, потому, что произволъ несвойственъ современнымъ судебнымъ органамъ вообще и нашимъ въ частности. Продолжительный опытъ функціонированія нашихъ судебныхъ органовъ успѣлъ воочію всѣмъ показать, что для нихъ великія слова „судъ скорый, правый и равный для всѣхъ“ не представляются какими-то пустыми звуками. А земскіе начальники? Этотъ институтъ, могутъ сказать, еще слишкомъ молодъ, традицій онъ не имѣетъ. Какъ-бы ни относиться къ этому институту, но если земскимъ начальникамъ предоставляется право подвергать лишенію свободы, то еще съ большимъ основаніемъ имъ можетъ быть предоставлено право не примѣнять этого наказанія и замѣнять его условнымъ осужденіемъ.

Если опасаться возможности произвола, то слѣдуетъ лишить судебные органы права судить и наказывать вообще, а въ особенности примѣнять болѣе строгія и суровыя наказанія, чѣмъ условное осужденіе, такъ какъ произволъ при примѣненіи этихъ наказаній можетъ дѣйствительно привести къ крайне тяжелымъ послѣдствіямъ. Слишкомъ большое довѣріе нужно питать къ суду, ввѣряя ему свободу и честь гражданъ, предоставляя ему право подвергать тюремному

заключенію, лишать правъ состоянія и ссылатъ въ Сибирь! Никто однако и не думаетъ объ ограниченіи въ этомъ отношеніи компетенціи нашихъ судебныхъ органовъ.

Такое же самое ничуть не бѣльшее довѣріе нужно питать къ судебнымъ органамъ, чтобы предоставить имъ право примѣнять условное осужденіе! И наши судебные органы заслуживаютъ этого довѣрія!

Незачѣмъ поэтому слѣдовать примѣру Германіи и преобразовывать условное осужденіе въ несвойственный ему институтъ условнаго помилованія. Незачѣмъ для примѣненія его пользоваться 775 ст. Уст. угол. суд.

Примѣненіе условнаго осужденія въ видѣ условнаго помилованія вызвано въ Германіи крайней необходимостью удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ карательной дѣятельности, не успѣвшимъ своевременно найти сочувственнаго отклика въ законодательствѣ. Примѣненіе условнаго осужденія въ этомъ видѣ носитъ только временный характеръ; Германія—на пути включенія его въ уголовный кодексъ.

Выражаютъ, далѣе, опасеніе, что примѣненіе условнаго осужденія, отражаясь невыгодно на интересахъ потерпѣвшихъ, можетъ вызвать съ ихъ стороны реакцію въ видѣ самосуда, мести.

Местъ обыкновенно вызывается наличностью глубокаго оскорбленія и связанной съ послѣднимъ безнаказанности. Эти условія при примѣненіи условнаго осужденія отсутствуютъ: условное осужденіе и безнаказанность—понятія не тождественныя; примѣненіе его имѣетъ мѣсто обыкновенно при такого рода дѣянiяхъ, которыя не въ состояніи возбудить мстительныхъ инстинктовъ. Примѣненіе условнаго осужденія, наконецъ, даетъ потерпѣвшему такое же самое удовлетвореніе, какъ и примѣненіе всякаго другаго наказанія.

Отъ примѣненія какаго бы то ни было наказанія нельзя, конечно, ожидать матеріальнаго удовлетворенія, возмѣщенія понесеннаго потерпѣвшимъ вреда: для этого нужны особыя, сосуществующія съ наказаніемъ мѣры. Невозможно требовать предоставленія этого удовлетворенія и отъ условнаго осужденія.

Отъ примѣненія наказанія можно ожидать только моральнаго (и то въ извѣстной степени) удовлетворенія потерпѣвшихъ, которое можетъ заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ выраженіи преступнику публичнаго порицанія за учиненное имъ и тѣмъ самымъ публичнаго признанія правоты потерпѣвшаго. Такое удовлетвореніе дается и примѣненіемъ условнаго осужденія. Требовать

большаго удовлетворенія, требовать такого построенія наказанія, примѣненіемъ котораго возросшее на почвѣ оскорбленнаго чувства чувство мести было бы насыщено, утолено—невозможно, такъ какъ такое требованіе противно и этическимъ началамъ, и соображеніямъ уголовной политики. Да и такое требованіе несвойственно миролюбивому характеру нашего народа.

Указываютъ, наконецъ, что присущій условному осужденію сравнительно мягкій, гуманный характеръ можетъ отразиться неблагоприятно на дѣлѣ борьбы съ преступностью, подрывая силу и значеніе общей превенціи.

Указывая это, забываютъ, что успѣхъ дѣла борьбы съ преступностью зависитъ не отъ суровости примѣняемыхъ мѣръ, а отъ ихъ цѣлесообразности; условное же осужденіе представляется одной изъ цѣлесообразныхъ мѣръ; цѣлесообразная мѣра умалитъ превентивное значеніе всего карательнаго аппарата не можетъ. Не можетъ и сравнительно мягкій характеръ, присущій условному осужденію, повлечь умаленіе сдерживающаго начала, обусловленнаго самымъ фактомъ существованія уголовныхъ каръ, такъ какъ сила этого начала находится въ зависимости не отъ суровости наказанія, а отъ его неизбѣжности, да кромѣ того примѣненію условнаго осужденія присущъ факультативный, а не обязательный характеръ.

Такимъ образомъ, *примѣненіе условнаго осужденія никакихъ затрудненій не представляетъ и съ какими-либо вредными послѣдствіями не связывается.*

Наоборотъ, условія нашей жизни представляютъ для этого примѣненія благоприятную почву. Условное осужденіе не является для насъ чѣмъ-то чуждымъ, заноснымъ. Соотвѣтствуя по своему гуманному характеру присущему нашему народу миролюбію, оно не безызвѣстно и его юридическому міровоззрѣнію.

Нашему русскому обычному уголовному праву извѣстны институты, представляющіеся ничѣмъ инымъ, какъ своеобразной формой условнаго осужденія. Къ числу этихъ институтовъ относятся: 1) оставленіе на замѣчаніи волостныхъ судовъ, сельскаго начальства или общества; 2) внушеніе, нерѣдко соединяемое съ записью въ штрафную книгу, и 3) отобраніе подписки.

По поводу перваго изъ этихъ институтовъ одинъ изъ изслѣдователей обычнаго уголовного права крестьянъ Тамбовской губерніи г. Березанскій замѣчаетъ: „если кто-либо оставляется судомъ на замѣчаніи сельскаго начальства, суда и общества, то это обстоятельство принимается во вниманіе при вторичномъ проступкѣ

того же лица, на что указывает фраза „оставить на замѣчаніи впредь до новаго какого-либо проступка“, при совершеніи котораго обвиняемый подвергается бѣльшей отвѣтственности, чѣмъ если бы онъ прежде не былъ судимъ и оставленъ на замѣчаніи суда и общества“.

По поводу втораго тотъ же изслѣдователь говоритъ: „когда судъ опредѣляетъ сдѣлать виновному внушеніе остерегаться впредь подобныхъ совершенному проступковъ, то всегда дѣлаетъ болѣе или менѣе строгую угрозу подвергнуть болѣе сильному наказанію въ случаѣ повторенія проступка“.

Наконецъ, послѣдній изъ этихъ институтовъ примѣняется, по словамъ г. Скоробогатаго, въ интересахъ предупрежденія различнаго рода семейныхъ раздоровъ (изобличенные въ притѣсненіи своихъ домашнихъ выдаютъ подписки, въ которыхъ обязываются на будущее время воздерживаться отъ подобныхъ дѣйствій; эти подписки замѣняютъ собою причитающееся наказаніе).

Эти примѣры достаточно ясно показываютъ, что условное осужденіе не только не чуждо нашему правосознанію, но сродно ему по духу. А это обстоятельство не можетъ не служить гарантіей, что условное осужденіе встрѣтитъ для себя благопріятную почву. О какомъ-либо его непониманіи и проистекающихъ отсюда вредныхъ послѣдствій и рѣчи быть не можетъ.

Включить условное осужденіе въ нашу карательную систему—дѣло нетрудное: предъ нами богатые образцы современнаго юридическаго творчества, цѣлая серія специальныхъ законовъ и законопроектвъ, посвященныхъ регуляціи условнаго осужденія и могущихъ значительно облегчить составленіе соотвѣтствующаго проекта.

Я не буду останавливать вашего вниманія на развитіи тѣхъ началъ, которыя слѣдовало бы положить въ основу такого законопроекта. Неоднократно уже я имѣлъ случай выразить мои воззрѣнія по этому вопросу въ печати. Теперь позволю себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе.

Условное осужденіе—не универсальное средство борьбы съ преступностью. Оно—лишь одно изъ орудій борьбы съ случайными преступниками.

Случайные же преступники совершаютъ въ большинствѣ случаевъ дѣянія, влекущія сравнительно легкія наказанія.

Имѣя это въ виду, казалось бы вполне цѣлесообразнымъ допустить (примѣнительно къ проекту нашего уголовного уложенія)

возможность условнаго осужденія, на случай присужденія къ штрафу, аресту, тюремному заключенію не свыше одного года, а равно и заточенію не свыше одного года, если только дѣяніе, по поводу котораго состоялся обвинительный приговоръ, не свидѣтельствуешь о привычкѣ къ преступной дѣятельности, объ обращеніи послѣдней въ ремесло, и прошлое осужденнаго не содержитъ въ себѣ достаточныхъ доказательствъ относительно существованія этой привычки.

Включеніе условнаго осужденія, въ этихъ предѣлахъ, въ проектъ нашего будущаго уголовного уложенія устранило бы присущій проекту ошущительный пробѣлъ и оказало бы значительную услугу дѣлу цѣлесообразнаго функціонированія создаваемой имъ карательной системы. Это включеніе удовлетворило бы и наше національное самолюбіе: оно дало бы возможность нашему проекту занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ существующихъ проектовъ.

Докладъ вызвалъ продолжительные и единодушные аплодисменты; по окончаніи его И. Я. Фойницкимъ были оглашены письма Н. С. Таганцева и А. К. Вульфферта, выразившихъ пожеланіе полнаго успѣха дѣятельности съѣзда и сожалѣнія, что не могутъ участвовать въ собраніяхъ съѣзда по болѣзни.

Собраніе постановило послать привѣтственные телеграммы названнымъ лицамъ и одному изъ основателей Международнаго союза криминалистовъ—проф. Листу—по случаю исполнившагося десятилѣтія дѣятельности союза.

Послѣ небольшого перерыва членъ русской группы, предсѣдатель Курскаго Юридическаго Общества И. М. Тютрюмовъ предложилъ собранію вызвавшей аплодисменты докладъ о желательной и возможной постановкѣ института условнаго осужденія въ нашемъ отечествѣ слѣдующаго содержанія:

Милостивые Государи!

Послѣ того, какъ двѣ законодательныя комисіи, состоящія изъ нашихъ лучшихъ представителей науки и судебной практики, высказались противъ возможности введенія въ настоящее время въ наше законодательство института условнаго осужденія, я чувствовалъ особенное смущеніе, приступая къ составленію доклада по сему вопросу. Но имѣя въ виду порученіе комитета русской группы и будучи въ то же время глубоко убѣжденъ въ цѣле-

сообразности института условнаго осужденія или, точнѣе говоря, погасительной отсрочки исполненія наказанія, желательности и возможности введенія его въ наше законодательство, я не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ исполненія означеннаго порученія. Въ своемъ докладѣ я имѣлъ въ виду по возможности устранить обсужденіе чисто принципіальныхъ теоретическихъ вопросовъ, какъ составляющихъ предметъ другаго доклада, сосредоточить свое вниманіе исключительно на практическомъ вопросѣ о возможности введенія этого института въ наше законодательство.

Институтъ условнаго осужденія, совершивъ, по выраженію одного криминалиста, путешествіе вокругъ свѣта, дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все новыя и новыя завоеванія въ западно-европейскихъ государствахъ, и только Россія стоитъ въ сторонѣ отъ этого законодательнаго движенія. Несомнѣнно, что каждый законодатель не долженъ порывать связи съ тѣмъ, что уже существуетъ, будучи обязанъ принимать во вниманіе національныя условія и потребности и считаться съ дѣйствующими силами, такъ какъ, по вѣрному выраженію профессора Листа, „тотъ не понимаетъ задачи законодателя, кто хочетъ кодифицировать свою или чужую научную систему или разбить по параграфамъ закона программу какой-либо научной школы“. Поэтому рядомъ съ вопросомъ о теоретической цѣлесообразности той или другой реформы уголовного законодательства, стоитъ другой наиболѣе практически важный вопросъ, насколько эта реформа представляется возможной въ томъ или другомъ государствѣ при современныхъ національныхъ условіяхъ. Этотъ вопросъ особенно грозно возстаетъ предъ нами при обсужденіи достоинствъ института условнаго осужденія и возможности введенія его въ наше законодательство, такъ какъ и редакціонная коммисія по составленію проекта уголовного уложенія и III отдѣлъ Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части, исходя изъ современныхъ условій русской жизни, высказались противъ возможности введенія въ Россіи въ настоящее время института условнаго осужденія. Но дѣйствительно ли современные условія русской жизни такъ не благоприятствуютъ введенію у насъ этого института?

При утвердительномъ разрѣшеніи этого вопроса редакціонная коммисія исходила прежде всего изъ тѣхъ соображеній, что наказаніе имѣетъ въ виду не только преступника, но и общество, а потому, въ случаѣ введенія условнаго осужденія и въ наше за-

конодательство, для общества этотъ способъ заглаженія вины, особенно если онъ получить характеръ одного изъ обычныхъ способовъ устраненія примѣненія наказанія, далеко не всегда можетъ представляться достаточнымъ. Не углубляясь въ разрѣшеніе принципиальнаго вопроса о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ наказаніемъ, не могу не замѣтить, что, вѣдь всякое наказаніе, какъ таковое, являясь большимъ лишеніемъ для преступника, есть вмѣстѣ съ тѣмъ мѣра тягостная и для самого государства, его примѣняющаго. Едва-ли возможно представить себѣ большее прегрѣшеніе противъ идеи о цѣлесообразности наказанія, какъ именно слишкомъ щедрое примѣненіе наказаній, особенно тамъ, гдѣ этого не требуютъ нужды правоваго порядка. Справедливымъ является только необходимое наказаніе, и если тѣмъ или другимъ путемъ удастся уменьшить примѣненіе наказаній, то отъ этого выиграютъ интересы и отдѣльной личности, и цѣлаго общества,—эти два неизмѣнныхъ начала, которыми управляется вся область уголовного правосудія; тѣмъ болѣе, что интересы послѣдняго требуютъ примѣненія наказанія только тогда, когда отъ примѣненія его можно ожидать пользы. Неудовлетворительность, напр., краткосрочнаго лишенія свободы, не достигающаго, какъ наказаніе, ни цѣли исправленія преступника, ни цѣли устрашенія, я думаю, является фактомъ безспорнымъ. Наши тюрьмы справедливо признаются школами порока и преступленій, и отъ помѣщенія въ нихъ случайныхъ преступниковъ общество не только ничего не выиграетъ, а, думается, напротивъ: интересы общественные серьезно страдаютъ, если общество разумною системою предупрежденія общественныхъ недуговъ не сѣмѣетъ во время подать руку помощи лицу, случайно, благодаривлянію чисто внѣшнихъ условій, совершившему преступное дѣяніе. Въ этомъ случаѣ правильно поставленный въ законодательствѣ институтъ погасительной отсрочки исполненія наказанія можетъ самымъ благотворнымъ образомъ отразиться на интересахъ правосудія. Съ тѣми принципиальными возраженіями, которыя дѣлаютъ противъ условнаго осужденія представители абсолютныхъ теорій (Кирхенгеймъ и др.), что будто бы оно ниспровергаетъ всѣ основы уголовного права, едва-ли въ настоящее время законодателю слѣдуетъ серьезно считаться, въ виду цѣлесообразности карательной дѣятельности государства, благодаря чему, по справедливому мнѣнію Н. С. Таганцева, условное осужденіе является необходимою ступенью въ прогрессивномъ развитіи уголовного законодательства, естественнымъ продуктомъ взаимо-

дѣйствія двухъ институтовъ, признанныхъ большинствомъ законодательствъ: права судовъ смягчать назначенныя закономъ наказанія въ виду индивидуальныхъ особенностей преступника и досрочнаго освобожденія заключенныхъ (Лекціи, вып. IV, стр. 1839).

Далѣе, соображеніе редакціонной комисіи противъ возможности введенія у насъ института условнаго осужденія, что введеніе его предполагаетъ существованіе слишкомъ большаго довѣрія къ судебнымъ органамъ со стороны государства и общества, казалось бы не можетъ имѣть такого рѣшающаго значенія послѣ слишкомъ тридцатилѣтняго существованія новыхъ судебныхъ установленій, своею дѣятельностью вполне заслуженно снискавшихъ довѣріе населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовавшихъ къ утвержденію въ народѣ уваженія къ закону и развитію въ немъ чувства законности. Не меньшее довѣріе къ судебнымъ органамъ замѣчаемъ и со стороны законодателя: редакціонная комисія всѣмъ своимъ проектомъ уголовнаго уложенія доказываетъ это довѣріе къ судамъ, предоставляя имъ обширную власть по примѣненію наказаній и смягченію таковыхъ въ виду индивидуальныхъ особенностей преступника, и если, въ отличіе отъ французскаго кодекса, комисія и предположила дать въ проектѣ нѣкоторыя указанія по примѣненію наказаній, то во всякомъ случаѣ, согласно съ духомъ Судебныхъ Уставовъ, она рѣшила внести въ уложеніе принципъ довѣрія къ суду, въ этомъ смыслѣ значительно расширивъ объемъ правъ, предоставленныхъ ему при выборѣ наказаній (проектъ, т. I, гл. 1, стр. 505). Но, если суду предоставлена такая широта власти въ примѣненіи наказаній съ правомъ уменьшать таковыя до низшаго законнаго размѣра и даже переходить къ другому наказанію, если низшій размѣръ не указанъ, т. е. отъ каторги къ исправительному дому, отъ сего послѣдняго къ тюрьмѣ и т. д., и такимъ образомъ уменьшать наказаніе въ значительныхъ размѣрахъ, понижая срокъ его при лишеніи свободы иногда до одного дня, то отсюда не естественно ли будетъ предоставить суду и право на примѣненіе погасительной отсрочки исполненія наказанія, если, конечно, того требуютъ и интересы отдѣльной личности, и интересы общества, а слѣдовательно и интересы правосудія. Если же не представляется опаснымъ вручать суду столь обширную власть по примѣненію наказаній, когда произволъ суда или допущенныя имъ при этомъ ошибки часто не могутъ быть впоследствии исправлены, то уже рѣшительно никакой опасности не существуетъ при введеніи въ законодательство разсматриваемаго

нами института, такъ какъ всякая допущенная судомъ неправильность въ отсрочкѣ исполненія наказанія можетъ быть впослѣдствіи устранена, безъ всякаго вреда для интересовъ правосудія, и неправильно воспользовавшійся таковою отсрочкой понесетъ заслуженное имъ наказаніе. Справедливо, что практическая возможность введенія института условнаго осужденія находится въ прямой зависимости отъ судебной организаціи страны, но, какъ мнѣ кажется, организація и по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II не могла бы служить препятствіемъ къ практическому осуществленію подобной цѣлесообразной мѣры, а въ настоящее время труды Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи комисіи для пересмотра законоположеній по судебной части свидѣтельствуютъ о томъ, что будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы судебную часть въ Имперіи поставить на надлежащую высоту. Единственные судебные органы, это—земскіе начальники, въ отношеніи которыхъ, дѣйствительно, могло бы еще существовать нѣкоторое опасеніе, но и это опасеніе, я думаю, не должно служить безусловнымъ препятствіемъ къ введенію въ наше законодательство разсматриваемаго нами института.

Прежде всего можно надѣяться на изъятіе со временемъ изъ подсудности земскихъ начальниковъ всѣхъ наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ и сѣуженіе ихъ компетенціи до естественныхъ предѣловъ подсудности судебно-административнымъ органамъ только мелкихъ полицейскихъ проступковъ. Затѣмъ, при правильной постановкѣ института условнаго осужденія, всякая допущенная земскимъ начальникомъ ошибка въ примѣненіи этого института можетъ быть своевременно исправлена, и, наконецъ, если земскому начальнику предоставлено право примѣнять сравнительно строгія наказанія до лишенія свободы на одинъ годъ включительно, то въ сравненіе съ этимъ едва-ли будетъ серьезною опасностью для свободы и чести гражданъ или вообще для интересовъ правосудія предоставленіе тому же земскому начальнику права примѣненія и условнаго осужденія. Я думаю даже, что опасности этой не будетъ и при предоставленіи того же права и волостнымъ судамъ, если только въ этомъ отношеніи надлежащимъ путемъ обезпечить законность дѣйствій волостнаго суда, введя, напр., такое правило въ законъ, что приговоры волостнаго суда, съ примѣненіемъ условнаго осужденія, могли бы приводиться въ исполненіе не иначе, какъ по мотивированному постановленію (земскаго начальника или) участковаго судьи, въ надлежащій срокъ со дня полученія копіи

этого постановленія не опротестованному прокурорскимъ надзоромъ. Въ этомъ заключалась бы достаточная гарантія законности дѣйствій крестьянскихъ судебныхъ установленій.

Такимъ образомъ, казалось бы, не существуетъ принципиальныхъ возраженій противъ возможности введенія у насъ условнаго осужденія, тѣмъ болѣе, что опытъ западно-европейскихъ государствъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что повсюду, гдѣ только дѣйствуетъ институтъ условнаго осужденія, проявляется благотворное его значеніе въ борьбѣ съ случайными преступниками, имѣвшими несчастіе попасть на скамью подсудимыхъ, благодаря только несчастно сложившимся обстоятельствамъ.

Повидимому и редакціонная коммисія въ своихъ замѣчаніяхъ относительно введенія условнаго осужденія въ наше законодательство категорически не высказывается противъ него и готова была бы, въ видѣ опыта, ввести его въ Россіи, но только съ допущеніемъ его, какъ особаго вида чрезвычайнаго смягченія, въ силу особаго ходатайства о томъ суда, въ порядкѣ 775 ст. Уст. угол. суд. По этому предположенію, суду предоставлялось бы право ходатайствовать или о полномъ прощеніи, или объ уменьшеніи и замѣнѣ наказанія, или же объ отсрочкѣ исполненія приговора съ непримѣненіемъ назначеннаго наказанія въ случаѣ хорошаго поведенія осужденнаго. Какъ извѣстно, въ большинствѣ государствъ, гдѣ существуетъ условное осужденіе, оно введено въ законодательство или въ видѣ института матеріальнаго права или права процессуальнаго, означая собою погасительную отсрочку исполненія наказанія, при чемъ органомъ, примѣняющимъ его въ той или другой формѣ, повсюду является судъ, и только въ государствахъ германскихъ условное осужденіе извѣстно въ формѣ условнаго помилованія, исходящаго отъ верховной власти: здѣсь право примѣненія условнаго осужденія принадлежитъ уже не суду, а министру юстиціи, которому дается полномочіе приостанавливать обращеніе къ исполненію приговоровъ, съ тѣмъ, что, при хорошемъ поведеніи осужденнаго, окончательное освобожденіе его отъ наказанія происходитъ только въ порядкѣ помилованія Монархомъ.

Слѣдовательно, по системѣ германской инициатива возбужденія вопроса объ отсрочкѣ исполненія наказанія принадлежитъ не суду, разрѣшающему дѣло по существу и знакомящемуся съ личностью преступника, а органамъ, исполняющимъ судебные приговоры, которые, задерживая, по своему усмотрѣнію, приведеніе приговора въ исполненіе, даютъ объ этомъ знать Министру Юстиціи, и отъ

личнаго усмотрѣнія послѣдняго зависитъ разрѣшить отсрочку на время, какое онъ найдетъ нужнымъ. Не говоря уже о томъ, что подобная постановка института условнаго осужденія противорѣчитъ сущности этого института, перенося роль, принадлежащую судьямъ въ оцѣнкѣ даннаго случая и разрѣшеніи вопроса, существуютъ ли особыя основанія для снисходительнаго отношенія къ преступнику, на органы, исполняющіе судебные приговоры, условное осужденіе въ формѣ помилованія всегда потерпитъ неудачу въ виду невозможности осуществленія его на практикѣ. Трудно даже допустить, чтобы центральное управленіе Министерства Юстиціи, вынужденное ознакомляться съ дѣлами по письменнымъ производствамъ, физически могло справиться съ массою поступающихъ со всего государства дѣлъ, по которымъ возбуждается вопросъ о примѣненіи условнаго осужденія. Этимъ объясняется, почему въ Германіи, несмотря на сочувственное отношеніе общества на первыхъ порахъ къ этому нововведенію, примѣненіе его на практикѣ не могло имѣть успѣха, такъ что и въ Германіи еще въ ноябрѣ 1896 г. рейхстагомъ была принята резолюція о введеніи и въ общеимперское законодательство института условнаго осужденія.

Многія изъ этихъ соображеній вполне примѣнимы и къ той формѣ условнаго помилованія, которая признается возможною къ введенію въ наше законодательство. Но къ указаннымъ выше неудобствамъ такого порядка условнаго помилованія прибавляются еще другія не менѣе серьезныя, которыя дѣлаютъ этотъ порядокъ рѣшительно неудобопримѣнимымъ въ нашемъ отечествѣ: не говоря уже о неудобствахъ, связанныхъ съ дальностью нашихъ разстояній, невозможно было бы по мелкимъ дѣламъ постоянно беспокоить верховную власть, обращаясь въ каждомъ случаѣ примѣненія условнаго осужденія къ Монаршему милосердію. Тогда получилось бы: или институтъ условнаго помилованія практически не имѣлъ бы никакого развитія, или же пришлось бы обращаться къ Монаршей власти по безчисленному множеству дѣлъ, для разсмотрѣнія коихъ необходимо было бы, можетъ быть, организовать особое центральное управленіе. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что при такой постановкѣ института условнаго помилованія, въ виду именно его условности, было бы ослаблено значеніе акта верховной милости, такъ какъ, въ случаѣ дурнаго поведенія осужденнаго во время испытательнаго періода, судъ или даже администрація получили бы какъ бы право отмѣнять актъ верховной милости. Такая отмѣна каждый разъ

могла бы вызывать крайнее неудовольствие среди нашего народа, съ особымъ обаяніемъ относящагося къ актамъ Монаршаго милосердія ¹⁾. Въ этомъ отношеніи казалось бы имѣть преимущество даже и тотъ порядокъ условнаго помилованія, который существуетъ въ Германіи, такъ какъ тамъ къ Монаршей милости обращаются не прежде, какъ благополучно протечетъ испытательный періодъ, на который будетъ приостановлено Министромъ Юстиціи исполненіемъ назначенное судомъ наказаніе. Затѣмъ также необходимо имѣть въ виду, что обращеніе по ходатайству суда къ Монаршему милосердію по лежащей въ основѣ такого ходатайства идеѣ, нашедшей осуществленіе въ дѣйствующемъ Уставѣ уголов. суд. (ст. 775), возможно только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда представляются особья уваженія къ облегченію участи подсудимаго, напр., къ смягченію показанія въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти, или къ совершенному его помилованію, между тѣмъ какъ тѣ случаи, когда представляется необходимость прибѣгнуть къ условному осужденію, въ сущности не заключаютъ въ себѣ характера чрезвычайности, а, напротивъ, представляются обыкновенными случаями совершенія преступныхъ дѣяній лицами, въ отношеніи которыхъ только по уголовно-политическимъ соображеніямъ погасительная отсрочка исполненія наказанія будетъ вполне отвѣчать высшимъ интересамъ правосудія. Обращеніе же со стороны суда въ такихъ случаяхъ съ ходатайствомъ къ Монаршему милосердію шло бы въ разрѣзъ съ существомъ акта верховной милости, даруемой по ходатайству суда только при условіи исключительныхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ совершеніе даннаго преступленія. Полученіе судомъ разрѣшенія на отсрочку исполненія опредѣленнаго имъ наказанія каждый разъ по волѣ Монаршей власти несомнѣнно умалило бы въ глазахъ народа значеніе этого экстраординарнаго способа обращенія къ Монаршему милосердію ²⁾.

¹⁾ Конечно, для смягченія этого неудобства можно было бы придумать особый мѣстный органъ въ губерніи въ видѣ, напр., особаго присутствія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ губернатора, какъ представителя Монаршей власти въ губерніи, изъ чиновъ судебного вѣдомства и непремѣнныхъ членовъ, для разсмотрѣнія вопроса объ исполненіи приговоровъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ губерніи по дѣламъ, по которымъ ранѣе состоялось условное помилованіе; но учрежденіемъ такого мѣстнаго органа указанные выше недостатки были бы только ослаблены, но не устранены.

²⁾ Съ этой точки зрѣнія, въ крайнемъ случаѣ, еслибы было признано возмож-

Но спать же и этотъ порядокъ будетъ только смягченіемъ неудобствъ, почему мнѣ и представляется наиболѣе правильной постановка института условнаго осужденія въ формѣ института процессуальнаго права, т. е., въ формѣ погасительной отсрочки исполненія наказанія съ предоставленіемъ права примѣненія этой отсрочки судебнымъ установленіямъ, вполне компетентнымъ въ удовлетворительномъ разрѣшеніи этого вопроса процессуальнаго права.

Но могутъ на это еще возразить, что еслибы и признать правильной подобную постановку этого института въ законодательствѣ, то во всякомъ случаѣ она будетъ непримѣнима у насъ при современныхъ условіяхъ нашей жизни, при слабомъ развитіи правосознанія въ нашемъ народѣ и сравнительно съ западомъ низкомъ культурномъ состояніи нашей страны. Трудно возражать противъ того, что наша страна въ культурномъ отношеніи дѣйствительно уступаетъ западу и чувство законности у насъ развито значительно слабѣе, но я не думаю, чтобы такое состояніе культурности могло препятствовать улучшенію процессуальнаго уголовного законодательства, помня тѣмъ болѣе, что самыя учрежденія въ государствѣ предназначены также дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на народъ. Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на примѣръ нашихъ новыхъ судебныхъ установленій, которыя за время своего тридцатилѣтняго существованія оказали громадное воспитательное вліяніе на общество, повысивъ уровень юридическаго образованія и не мало содѣйствовавъ развитію среди населенія чувства законности. Когда въ 1864 году вводился судъ присяжныхъ, то громко тогда раздавались также голоса противъ этого института, указывалось на недостаточную развитость русскаго народа, только-что освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, и на опасность этого института съ точки зрѣнія политической, но

нымъ ввести у насъ институтъ условнаго осужденія не иначе, какъ въ формѣ условнаго помилованія, то было бы болѣе цѣлесообразнымъ: предоставить судебнымъ органамъ отсрочивать исполненіе ихъ приговоровъ, съ тѣмъ, чтобы погашеніе наказанія по истеченіи назначеннаго судомъ срока для испытанія производилось по ходатайству суда путемъ верховнаго помилованія, о чемъ необходимо было бы упомянуть въ приговорѣ, но исполненіе этой части приговора наступало бы только по истеченіи установленнаго срока, при отсутствіи новой судимости условно-осужденнаго. Конечно, такой порядокъ не устранялъ бы всѣхъ неудобствъ, но за то не влекъ бы за собой указаннаго выше умаленія значенія акта Монаршаго милосердія.

эти протесты не смутили редакторовъ Судебныхъ Уставовъ, и введенный, на основаніи послѣднихъ, судъ присяжныхъ оказался вполне жизнеспособнымъ, за 30 лѣтъ своего существованія глубоко проникнулъ въ русскую жизнь, сдѣлался лучшимъ украшеніемъ нашей новой судебной системы, и, по выраженію А. О. Кони, „оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни здраваго чувства русскаго народа“. Въ настоящее время, когда насъ отдѣляетъ почти 40 лѣтъ отъ времени паденія крѣпостнаго права и 35 лѣтъ отъ времени изданія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября, указанія на недостаточное развитіе правосознанія и общую невѣжественность массы нашего народа едва-ли могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ отказу отъ заимствованія съ запада столь полезныхъ институтовъ процессуальнаго права, тѣмъ болѣе, что условное осужденіе въ сущности является институтомъ совершенно простымъ, несложнымъ и вполне доступнымъ народному пониманію, и, по справедливому указанію проф. Андрея Антоновича Пюнтковскаго, по своему гуманному характеру, сродно присущему нашему народу миролюбію и всепрощенію и не безъизвѣстно его юридическому міровоззрѣнію въ формѣ институтовъ, представляющихъ изъ себя своеобразную форму уголовного осужденія, каковы, напр., оставленіе на замѣчаніи волостныхъ судовъ или общества „впредь до новаго какаго-либо проступка“, внушеніе остерегаться впредь подобныхъ совершенно проступковъ съ угрозой подвергнуть болѣе сильному наказанію, въ случаѣ повторенія проступка, отобраніе подписки въ интересахъ предупрежденія различнаго рода семейныхъ раздоровъ вмѣсто наказанія, съ усиленіемъ послѣдняго на случай повторенія и т. п. Нельзя не упомянуть здѣсь, что институтъ этотъ былъ отчасти извѣстенъ и нашему древнему праву, а также уложенію Царя Алексѣя Михайловича 1649 г. въ формѣ особаго поручительства. Такимъ образомъ, напротивъ, можно ожидать, что условное осужденіе, въ случаѣ введенія его въ наше законодательство, встрѣтитъ уже готовую почву въ народномъ міровоззрѣніи, вызвавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ народѣ самодѣятельность въ борьбѣ съ преступностью, и если бы, благодаря примѣненію института условнаго осужденія, число лицъ, дѣйствительно отбывающихъ наказаніе за свои проступки, могло уменьшиться въ значительной степени, то, въ виду простоты и доступности народному пониманію этого института, едва-ли такое вполне благопріятное съ уголовно-политической точки зрѣнія обстоятельство можетъ

вызвать превратныя толкованія въ населеніи о какой-то, будто-бы, безнаказанности за совершеніе преступленій.

Въ подтвержденіе мнѣнія о несвоевременности введенія въ наше законодательство института условнаго осужденія высказываютъ также, что проектъ нашего уголовного уложенія уже окончательно составленъ и находится на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, между тѣмъ, еслибъ редакціонная коммисія, составлявшая этотъ проектъ, не высказалась по вопросу объ условномъ осужденіи въ строгательномъ смыслѣ, а имѣла бы его въ виду, то она навѣрное по цѣлому ряду преступныхъ дѣяній иначе бы нормировала наказанія, съ сокращеніемъ объема примѣненія краткосрочнаго лишенія свободы, чрезвычайно расширеннаго съ измѣненіемъ въ будущемъ уголовномъ уложеніи лѣстницы наказаній. Дѣйствительно, однимъ изъ существенныхъ практическихъ соображеній, вызвавшихъ распространеніе условнаго осужденія въ другихъ государствахъ, представляется потребность сократить область примѣненія краткосрочнаго лишенія свободы, отбываемаго въ крайне несостоятельныхъ карательныхъ учрежденіяхъ, эта потребность несомнѣнно и у насъ существуетъ еще въ большей степени; но и въ западной Европѣ введеніе условнаго осужденія не имѣло непосредственнаго вліянія на лѣстницу наказаній, у современнаго государства нѣтъ другихъ средствъ наказанія преступника кромѣ (за исключеніемъ штрафа) лишенія его свободы на разные сроки, условное же осужденіе служитъ къ устраненію вредныхъ послѣдствій примѣненія этого почти единственнаго вида наказаній въ отдѣльныхъ случаяхъ. Поэтому, казалось бы, фактъ нахожденія проекта уголовного уложенія на разсмотрѣніи законодательнаго учрежденія не долженъ служить препятствіемъ къ введенію въ наше законодательство условнаго осужденія, какъ института процессуальнаго права, въ формѣ погасительной отсрочки исполненія наказанія. Также нѣтъ сомнѣнія, что какъ только приходится обратиться къ установленію процессуальной стороны этого въ сущности крайне простаго института, то возникаетъ цѣлая масса затрудненій, но отсюда еще не слѣдуетъ, что эти затрудненія должны служить препятствіемъ къ введенію въ наше законодательство въ принципѣ крайне цѣлесообразнаго и необходимаго въ борьбѣ съ случайнымъ преступнымъ людомъ института. Такія затрудненія, надо думать, существовали и въ другихъ государствахъ при установленіи процессуальной стороны этого института, однако они не остановили же законодателя отъ введенія условнаго осужденія въ

законодательство страны, разъ онъ проникся убѣжденіемъ въ пригодности этого института для цѣлесообразной борьбы съ преступностью. Опытъ многихъ законодательствъ, допускающихъ примѣненіе условнаго осужденія, долженъ служить для насъ достаточнымъ доказательствомъ того, что указанная выше затрудненія къ установленію процессуальной стороны этого института побороть вполне возможно, и, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ къ тому стремиться всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи.

Такимъ образомъ, казалось бы, потребность въ установленіи института условнаго осужденія не въ меньшей мѣрѣ существуетъ и у насъ, и современныя условія русской жизни не содержатъ въ себѣ какихъ-либо особыхъ препятствій къ введенію этого института въ наше законодательство.

Разрѣшивъ принципиально вопросъ о желательности и возможности введенія условнаго осужденія въ наше законодательство въ формѣ института процессуальнаго права, т. е. въ видѣ погасительной отсрочки исполненія наказанія, и обращаясь къ установленію процессуальной стороны этого института, намъ необходимо прежде всего остановиться на опредѣленіи условій его примѣненія. При этомъ, какъ мнѣ кажется, чѣмъ ограничительнѣе будутъ эти условія въ законѣ и чѣмъ, вообще, осторожнѣе будетъ поставленъ институтъ на первыхъ порахъ, тѣмъ онъ будетъ имѣть больше шансовъ въ будущемъ.

1. *Условія примѣненія.* Право суда на примѣненіе условнаго осужденія не можетъ быть безграничнымъ: въ законѣ должны быть точно указаны опредѣленные условія для его примѣненія, при наличности которыхъ уже не придется опасаться за возможность какого-либо произвола со стороны судебныхъ установленій. Возражая такимъ образомъ противъ системы массачузетской, построенной на полной свободѣ судейскаго усмотрѣнія, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу также несоотвѣтствующей систему, существующую по законамъ кантона Невшатель и состоящую въ перечисленіи въ законѣ поименно всѣхъ преступныхъ дѣяній, за которыя возможно назначить условное осужденіе: система подробнаго перечисленія въ законѣ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ признаковъ окажется всегда неполной, а потому неудовлетворяющей требованіямъ правосудія. Поэтому наиболѣе правильной будетъ 3-я система, по которой возможность примѣненія условнаго осужденія къ извѣстнаго рода преступнымъ дѣяніямъ будетъ опредѣляться общими признаками, а именно размѣромъ того наказанія, которое въ каждомъ отдѣль-

номъ случаѣ будетъ назначено судомъ. Потребность, вызвавшая существованіе института условнаго осужденія, можетъ служить лучшимъ критеріемъ для опредѣленія этого общаго признака; потребность эта состоитъ въ необходимости замѣны наказанія краткосрочнымъ лишеніемъ свободы, неудовлетворяющаго ни цѣлямъ исправленія преступника, ни цѣли устрашенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне вредно отражающагося на нравственномъ и физическомъ здоровьѣ преступника случайнаго. Такимъ образомъ условное осужденіе, казалось бы, не должно примѣняться при другихъ видахъ наказаній, а также и при тяжкихъ посягательствахъ на общественный порядокъ, при опредѣленіи за нихъ судомъ наказанія свыше 1 года тюремнаго заключенія или, по проекту уголовного уложенія, и 1 года заточенія. Но при этомъ нужно еще имѣть въ виду, что для примѣненія условнаго осужденія не всегда достаточно этого одного формальнаго признака по тяжести опредѣляемаго судомъ наказанія: на помощь ему долженъ привходить еще и другой признакъ, въ зависимости отъ юридическаго свойства преступнаго дѣянія. Такъ, прежде всего, условное осужденіе должно быть признано непримѣнимымъ къ уголовно-частнымъ преступнымъ дѣяніямъ, при несогласіи на то потерпѣвшаго, такъ какъ допущеніе въ этихъ случаяхъ погасительной отсрочки исполненія наказанія противорѣчило бы сущности этихъ дѣяній, уголовное преслѣдованіе которыхъ предоставляется государствомъ на полное усмотрѣніе потерпѣвшихъ отъ преступленія частныхъ лицъ. Примѣненіе къ этимъ дѣяніямъ условнаго осужденія, дѣйствительно, могло бы быть встрѣчено населеніемъ несочувственно и послужить поводомъ къ возбужденію частной мести. Практика нашихъ волостныхъ судовъ, впрочемъ, допускаетъ примѣненіе указанныхъ выше своеобразныхъ видовъ условнаго осужденія и къ дѣяніямъ уголовно-частнымъ. Затѣмъ существуютъ нѣкоторыя преступныя дѣянія, преслѣдуемая и въ публичномъ порядкѣ, къ которымъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ не представится возможнымъ примѣнить условное осужденіе; такъ, въ видѣ примѣра, можно уазать на проступки, нарушающіе интересы казны. Въ предѣлахъ же этихъ общихъ признаковъ дальнѣйшее примѣненіе института условнаго осужденія должно быть предоставлено усмотрѣнію судебныхъ органовъ, но послѣдніе, примѣняя его, конечно, не должны также забывать общаго назначенія этого института быть полезнымъ орудіемъ борьбы съ преступниками случайными, которые при совершеніи преступнаго дѣянія не выказали особой дерзости или низости побужденій и по своимъ личнымъ

качествамъ подають надежду на исправленіе и безъ принятія со стороны государства какихъ-либо карательныхъ мѣръ, а потому заслуживаютъ освобожденія отъ пагубнаго вліянія тюремной атмосферы. Поэтому преступники профессиональные или доказавшіе при совершеніи преступленія свою испорченность, а потому подающіе мало надежды на исправленіе, оставаясь на свободѣ, не должны пользоваться покровительствомъ института условнаго осужденія.

Съ этой точки зрѣнія, прежняя судимость, исключая, конечно, нарушеній полицейскихъ законовъ, сопровождавшаяся отбытіемъ наказанія — не ниже тюремнаго заключенія, независимо отъ времени, когда эта судимость имѣла мѣсто, должна устранять возможность примѣненія условнаго осужденія. Далѣе, такъ какъ на условное осужденіе необходимо смотрѣть какъ на, нѣкоторымъ образомъ, замѣну наказанія или даже его суррогатъ, а потому, и въ случаѣ удачныхъ результатовъ его примѣненія въ теченіе опредѣленнаго срока, наказаніе справедливо будетъ считать какъ бы отбытымъ, то лица, уже однажды воспользовавшіяся погасительной отсрочкой наказанія, не должны рассчитывать на вторичное примѣненіе къ нимъ этой мѣры. Правило это, можетъ быть нѣсколько и строгое, будетъ имѣть серьезное значеніе въ борьбѣ съ преступностью, такъ какъ лица, однажды уже воспользовавшіяся означенной льгстой, а слѣдовательно обязанныя осмотрительнѣе, осторожнѣе, относиться къ своимъ дѣйствіямъ, не могутъ рассчитывать на вторичное примѣненіе къ нимъ института условнаго осужденія.

2. *Порядокъ примѣненія.* Въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны въ законѣ, въ дальнѣйшемъ, примѣненіе условнаго осужденія должно быть предоставлено усмотрѣнію судебныхъ органовъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ обстоятельствъ cadaго отдѣльнаго случая. Постановляя обвинительный приговоръ, судъ, въ случаѣ признанія необходимымъ примѣнить условное осужденіе, составляетъ о томъ мотивированное постановленіе, подлежащее обжалованію въ обычномъ порядкѣ вмѣстѣ съ обвинительнымъ приговоромъ. Въ интересахъ обезпеченія большей законности дѣйствій судебныхъ органовъ по примѣненію условнаго осужденія, было бы крайне желательно, чтобы примѣненіе его находилось подъ особымъ наблюденіемъ лицъ прокурорскаго надзора, обязаннаго вообще имѣть наблюденіе за охраненіемъ законовъ по дѣламъ судебного вѣдомства. Поэтому на прокурорскій надзоръ должна

быть возложена обязанность въ установленномъ порядкѣ опротестовать судебный приговоръ, коимъ, по его мнѣнію, неправильно примѣнено къ данному случаю условное осужденіе. Для этой цѣли единоличные судьи, по дѣламъ у которыхъ не присутствуетъ представитель прокурорскаго надзора, въ каждомъ случаѣ примѣненія условнаго осужденія обязаны были бы копію своего приговора, положимъ не позже 7 дней со дня его постановленія, сообщать прокурору окружнаго суда или участковому товарищу прокурора, почему такой приговоръ единоличнаго судьи обращался бы къ исполненію только въ случаѣ неопротестованія его прокурорскимъ надзоромъ въ двухнедѣльный, со дня полученія копіи, срокъ. Подобный же порядокъ могъ бы быть примѣненъ и къ приговорамъ волостныхъ судовъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что приговоры волостнаго суда съ примѣненіемъ условнаго осужденія будутъ приводиться въ исполненіе не иначе какъ по мотивированному постановленію земскаго начальника или участкаго судьи, въ подлежащій срокъ со дня полученія копіи этого постановленія не опротестованному прокурорскимъ надзоромъ. Такимъ путемъ въ достаточной степени обезпечивалась бы законность дѣйствій судебныхъ органовъ по примѣненію института условнаго осужденія, и даже при такихъ условіяхъ и волостные суды, состоящіе изъ судей безъ образовательнаго ценза, удовлетворительно могли бы примѣнять этотъ соотвѣтствующій обычно-правовымъ понятіямъ народа юридическій институтъ.

Далѣе, по примѣру нѣкоторыхъ законодательствъ, возможно было бы и судъ присяжныхъ привлечь къ участію въ примѣненіи условнаго осужденія, такъ какъ по проекту будущаго судеустройства предположено устранить изъ закона запрещеніе оглашать предъ присяжными свѣдѣнія объ угрожающемъ подсудимому наказаніи, почему предполагается присяжнымъ засѣдателямъ даже предоставить право возбужденія предъ Его Императорскимъ Величествомъ ходатайства о смягченіи участи или полномъ помилованіи подсудимаго, т. е., право, принадлежащее нынѣ, согласно 775 и 828 ст. Уст. угол. суд., только коронному суду. Право участія въ примѣненіи условнаго осужденія, подобно праву ходатайства о помилованіи, также могло бы благопріятно отозваться на дѣятельности суда присяжныхъ, потому что произносимые ими въ настоящее время при полной доказанности обвиненія оправдательные приговоры часто объясняются не органическою слабостью ихъ репрессіи, а несоотвѣтствіемъ угрожающаго подсудимому на-

казанія его дѣйствительной винѣ и нежеланіемъ ихъ подвергнуть всѣмъ ужасамъ тюремной обстановки еще не вполне испорченнаго человѣка. Предоставленіе присяжнымъ засѣдателямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе за совершенное преступленіе, при смягченіи его, могло бы быть назначено не свыше 1 года тюремнаго заключенія или заточенія на тотъ же срокъ, выражать свое мнѣніе о необходимости примѣненія къ данному случаю условнаго осужденія, могло бы повести къ усилению репрессіи суда присяжныхъ и тѣмъ способствовать къ снятію съ него возможныхъ въ настоящее время, при нынѣшней его организаціи, нареканій.

Но такъ какъ опредѣленіе наказанія, на основаніи вердикта присяжныхъ засѣдателей, принадлежитъ къ обязанности короннаго суда, то высказываемое присяжными засѣдателями мнѣніе о необходимости примѣненія къ данному случаю института условнаго осужденія получало бы силу, только если бы оно поддерживалось и короннымъ судомъ, подобно тому, какъ это и предполагается въ проектѣ судоустройства относительно предоставленія присяжнымъ права ходатайствовать о чрезвычайномъ смягченіи участи подсудимаго.

Что касается регистраціи условныхъ осужденій, то эти свѣдѣнія по каждому такому дѣлу немедленно по постановленіи приговора, по особой утвержденной Министерствомъ Юстиціи формѣ, могли бы сообщаться судами мѣстному прокурору суда, а специальный списокъ осужденій, сопровождавшихся отсрочкой наказанія, по округу долженъ былъ бы вестись въ канцеляріи прокурора судебной палаты, откуда періодически по установленной формѣ свѣдѣнія сообщались бы мѣстнымъ судебнымъ установленіямъ. Если впоследствии приговоръ суда, коимъ было примѣнено условное осужденіе, былъ бы отмѣненъ высшей судебной инстанціей, то свѣдѣнія объ этомъ необходимо было бы сообщать мѣстному прокурору суда на предметъ соотвѣтствующаго измѣненія специального списка въ канцеляріи прокурора судебной палаты. По истеченіи каждаго года эти списки прокурорами палаты должны бы были представляться въ Министерство Юстиціи для опубликованія ихъ въ установленномъ порядкѣ ¹⁾.

¹⁾ Я думаю, что такой порядокъ регистраціи условныхъ приговоровъ обеспечивалъ бы возможность своевременно получать свѣдѣнія о состоявшихся ранѣе приговорахъ съ примѣненіемъ погасит. отсрочки наказанія, а всякія дополнителныя мѣры съ тою же цѣлью практически оказались бы трудно осуществимыми.

3. *Организація испытательнаго періода.* Разсматривая дѣйствующую въ разныхъ законодательствахъ организацію испытательнаго періода, мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи три разныхъ типа; во-1-хъ, система массачузетская; она характеризуется особымъ испытаніемъ, которому въ теченіе извѣстнаго періода подвергается условно-осужденный, находясь все время подъ особымъ надзоромъ спеціально учрежденнаго для этого органа; во-2-хъ, система англійская съ обязательнымъ представленіемъ поручительства въ извѣстной суммѣ, при чемъ, въ случаѣ совершенія новаго преступленія, эта сумма взыскивается, независимо отъ отбыванія слѣдующаго подсудимому наказанія, и наконецъ 3-я система, французская, усвоенная и другими континентальными законодательствами, отличается отъ первыхъ двухъ отсутствіемъ поручительства и особаго надзора во время испытательнаго періода, въ теченіе котораго условно-осужденный предоставляется своей самодѣятельности. Въ юридической литературѣ нашей неоднократно было высказано мнѣніе о непримѣнимости къ намъ первыхъ двухъ системъ, и едва-ли возможно не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, въ томъ случаѣ, когда условное осужденіе примѣняется къ преступнику взрослому. Но вопросъ ставится нѣсколько иначе, если примѣнять условное осужденіе къ лицамъ несовершеннолѣтнимъ, не достигшимъ 17 лѣтъ. Если бы такихъ несовершеннолѣтнихъ во все время испытательнаго періода, не учреждая надъ ними никакого надзора въ лицѣ ихъ родителей, опекуновъ и другихъ благонадежныхъ лицъ и оставляя ихъ безъ всякаго руководства, предоставить всецѣло ихъ самодѣятельности, то трудно было бы ожидать отъ института условнаго осужденія въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ той доли пользы, которую мы въ правѣ отъ него ожидать при иной его организаціи.

Въ юридической литературѣ нашей было высказано мнѣніе, что условное осужденіе вполнѣ примѣнимо и къ дѣтямъ, влекущимъ за собою для малолѣтнихъ отдачу въ исправительно-воспитательное заведеніе. Я не могу раздѣлить этого мнѣнія, такъ какъ полагаю, что какую бы мы ни придали организацію испытательному періоду, условное осужденіе не можетъ содѣйствовать осуществленію тѣхъ задачъ, какія выпадаютъ на долю исправительно-воспитательныхъ заведеній, на которыя слѣдуетъ смотрѣть какъ на мѣру, направленную не только къ предупрежденію преступности дѣтства и ранняго юношества, но и къ исправительному воспитанію, при чемъ, какъ справедливо призналъ Стокгольм-

скій международный тюремный конгрессъ: „заботясь о судьбѣ несовершеннолѣтнихъ, признанныхъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія, и бродячихъ, нищенствующихъ и порочныхъ дѣтей вообще, прежде всего слѣдуетъ держаться принципа, что здѣсь дѣло идетъ не о карѣ или наказаніи, но о воспитаніи, которое имѣетъ своею цѣлью сдѣлать воспитанниковъ способными честнымъ трудомъ зарабатывать средства существованія и быть полезными обществу вмѣсто того, чтобы вредить ему“. Въ такомъ же духѣ высказывались и послѣдующіе конгрессы, при чемъ на парижскомъ конгрессѣ было прямо высказано, что исправительное воспитаніе не есть наказаніе, а только мѣра предупрежденія, покровительства и огражденія общества отъ зла возможныхъ будущихъ преступленій, почему судья, принимая мѣры противъ юныхъ нарушителей закона, не опредѣляетъ напередъ продолжительности исправительнаго воспитанія, которая зависитъ не отъ существа преступнаго дѣянія, а отъ индивидуальныхъ особенностей несовершеннолѣтняго. Совершенно на такую же точку зрѣнія сталъ и нашъ новый законъ, признавъ помѣщеніе несовершеннолѣтняго въ исправительныя пріюты, какъ исправительно-воспитательную мѣру, направленную къ принудительному перевоспитанію малолѣтнихъ преступниковъ. Убѣжденіе въ пользѣ и необходимости воспитательно-исправительныхъ заведеній въ настоящее время настолько глубоко проникло въ общественное правосознаніе, что западно-европейскія государства усѣяны массою такого рода заведеній, дающихъ пріютъ и воспитаніе сотнямъ тысячъ заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей, и у насъ въ Россіи постепенно, хотя пока слишкомъ медленно, увеличивается число такихъ пріютовъ. Поэтому думается, что какую бы организацію ни дали испытательному періоду при условномъ осужденіи послѣднее въ отношеніи малолѣтнихъ преступниковъ не можетъ принести и доли той пользы, какой можно ожидать отъ помѣщенія ихъ въ исправительно-воспитательныя заведенія, тѣмъ болѣе, что наблюденіе надъ малолѣтними ихъ родителей, опекуновъ и другихъ благонадежныхъ людей на практикѣ часто носитъ призрачный характеръ, и насколько трудно въ дѣйствительности находить этихъ благонадежныхъ лицъ, въ томъ еще такъ недавно убѣдились судебные дѣятели при проведеніи въ жизнь закона 2 іюня 1897 г. о судимости и наказуемости несовершеннолѣтнихъ. Поэтому, казалось бы, осторожнѣе—тамъ, гдѣ представляется возможной замѣна для несовершеннолѣтнихъ разныхъ видовъ лишенія свободы помѣщеніемъ ихъ въ исправительно-воспитатель-

ныя заведенія, не примѣнять условнаго осужденія. Относительно продолжительности испытательнаго періода, мнѣ кажется, что изъ всѣхъ существующихъ въ другихъ законодательствахъ системъ наиболее вѣрной будетъ та, по которой для всѣхъ случаевъ въ законѣ будетъ выработанъ одинъ опредѣленный срокъ, вполне достаточный для осуществленія преслѣдуемыхъ условнымъ осужденіемъ цѣлей, такъ какъ при всякой иной системѣ, при отсутствіи въ распоряженіи суда твердыхъ данныхъ къ установленію каждый разъ особаго срока, могутъ всегда раздаваться обвиненія противъ органовъ судебной власти въ произвольности ихъ дѣйствій, что въ свою очередь можетъ неблагопріятно отразиться на судьбѣ вновь вводимаго института. Срокъ этотъ, на мой взглядъ, не долженъ быть продолжительнымъ, напр., 3 года, такъ какъ иначе условное осужденіе оказалось бы на дѣлѣ иногда болѣе сильнымъ репрессивнымъ средствомъ, чѣмъ то наказаніе, исполненіе котораго оно имѣетъ въ виду предупредить.

4. *Послѣдствія примѣненія условнаго осужденія.* Наконецъ, остается намъ еще остановиться на вопросѣ о послѣдствіяхъ примѣненія условнаго осужденія. Съ примѣненіемъ условнаго осужденія связано пріостановленіе исполненія назначеннаго судомъ наказанія съ тѣмъ, что если условно-осужденный въ теченіе опредѣленнаго срока не совершитъ извѣстныхъ преступныхъ дѣяній, то онъ навсегда освобождается отъ этого наказанія, и такъ какъ при этомъ имѣется въ виду условнымъ осужденіемъ оказать воздѣйствіе на преступника, чтобы сдержать его отъ дальнѣйшихъ нарушеній закона и приспособить къ условіямъ общежитія, то необходимо для дѣйствительнаго достиженія этой цѣли, чтобы вмѣстѣ съ главнымъ пріостанавливались и наказанія дополнительныя, потому что исполненіе этихъ послѣднихъ въ то время какъ первое пріостановлено, будетъ идти прямо въ разрѣзъ съ задачами, преслѣдуемыми институтомъ условнаго осужденія. Конечно пріостановленіе наказанія не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ влечь за собой отсрочку въ уплатѣ судебныхъ издержекъ и вознагражденія потерпѣвшему за понесенные имъ убытки. Далѣе послѣдствія примѣненія условнаго осужденія находятся въ зависимости отъ удачи или неудачи, наступившихъ во время испытательнаго періода. Въ первомъ случаѣ, т. е. удачи, хотя наказаніе и вовсе не отбывается, но, какъ уже и ранѣе мнѣ приходилось говорить, слѣдуетъ считать его какъ бы отбытымъ, такъ что наказаніе за второе преступленіе, совершенное послѣ примѣненія условнаго осужденія, въ интересахъ сохра-

ненія силы репрессіи, по примѣру швейцарскаго законодательства (въ кантонѣ Во), должно быть опредѣляемо по общимъ началамъ рецидива или усиленія отвѣтственности за повтореніе преступленій.

Въ тѣхъ же интересахъ, въ случаѣ неудачи, наказаніе за первое преступленіе по отсроченному приговору должно быть отбыто полностью и независимо отъ наказанія, назначеннаго за вновь учиненное преступленіе, т. е. безъ примѣненія правилъ о совокупности.

Далѣе важно опредѣлить моментъ, когда наступаетъ необходимость обратить къ исполненію отсроченное судомъ наказаніе: нельзя согласиться съ тѣми мнѣніями, что такимъ моментомъ достаточно было бы считать или одно возбужденіе уголовного преслѣдованія или же привлеченіе въ качествѣ обвиняемаго. Я думаю болѣе отвѣчало бы интересамъ правосудія, если бы за такой моментъ признать вступленіе въ законную силу втораго обвинительнаго приговора, такъ какъ нельзя же обращать къ исполненію отсроченное за первое преступленіе наказаніе, если привлеченный въ качествѣ обвиняемаго и даже осужденный по приговору низшей судебной инстанціи впослѣдствіи будетъ оправданъ судомъ высшей инстанціи.

Погашеніе наказанія по истеченіи срока отсрочки должно происходить самымъ фактомъ истеченія времени, на которое было отсрочено наказаніе, но для приведенія въ исполненіе отсроченнаго наказанія необходимо мотивированное постановленіе суда, подлежащее обжалованію въ самый краткій срокъ суду высшей инстанціи, рѣшеніе котораго по данному вопросу въ случаѣ утвержденія имъ постановленія 1-й судебной инстанціи, необходимо было бы считать окончательнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшему обжалованію. На основаніи этихъ данныхъ необходимо придти къ выводу, что, не „дурное поведеніе“ условно осужденнаго вообще, а только констатированное судомъ преступное дѣяніе его должно служить перерывомъ теченія періода испытанія, при чемъ не всякое совершенное имъ преступное дѣяніе должно влечь для него такія послѣдствія, а только дѣяніе опредѣленной тяжести, указывающее на стремленіе его продолжать свою преступную дѣятельность или неприспособленность его къ условіямъ общежитія. Такимъ дѣяніемъ будетъ прежде всего тождественное или однородное съ прежде совершеннымъ, а затѣмъ всякое умышленное преступное дѣяніе, за которое судомъ будетъ назначено какъ наказаніе заключеніе въ тюрьмѣ. Признаніе условнаго осужде-

ніа неудавшимся при послѣдующемъ совершеніи умышленныхъ преступныхъ дѣяній объясняется тѣмъ, что такого рода дѣянія, какъ выражающія сознательное стремленіе къ посягательствамъ на правовой порядокъ, указываютъ на недостиженіе въ данномъ случаѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ институтомъ условнаго осужденія; съ этой точки зрѣнія, казалось бы, представляется безразличнымъ, какой срокъ тюремнаго заключенія назначенъ условно осужденному за второе преступленіе. Иначе ставится вопросъ, когда мы будемъ говорить о дѣяніяхъ неумышленныхъ, въ отношеніи которыхъ по-этому долженъ быть выработанъ особый критерій для рѣшенія вопроса о перерывѣ теченія испытательнаго періода, и, такъ какъ не придавать никакого значенія этимъ дѣяніямъ невозможно, потому что, въ связи съ индивидуальными обстоятельствами даннаго случая, совершеніе вновь и неумышленнаго преступнаго дѣянія можетъ иногда свидѣтельствовать о неумѣстности примѣненія условнаго осужденія, то казалось бы, правильно было бы ввести въ законъ слѣдующее начало: если отсроченное судомъ наказаніе было назначено за дѣяніе неумышленное, то, при указанныхъ выше условіяхъ опредѣленія судомъ наказанія, совершеніе въ теченіе испытательнаго періода и неумышленнаго преступнаго дѣянія должно служить основаніемъ къ его перерыву. Я не думаю, чтобы, установляя подобное правило, мы погрѣшили противъ началъ справедливости, такъ какъ условно-осужденный за неумышленное дѣяніе, вновь совершая такого рода дѣяніе, погрѣшаетъ не только противъ обычной осмотрительности каждаго въ своихъ дѣйствіяхъ, но и противъ спеціально лежащей на немъ, какъ условно-осужденномъ, обязанности быть особо осторожнымъ въ своихъ поступкахъ. Что же касается другихъ случаевъ учиненія неумышленныхъ преступныхъ дѣяній, т. е. когда первое преступное дѣяніе было умышленное, а второе неумышленное, то въ этомъ случаѣ было бы цѣлесообразно заимствовать систему Норвежскаго закона 1894 года, предоставивъ суду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ связи съ конкретными его обстоятельствами, разрѣшать вопросъ о неудачѣ примѣненія условнаго осужденія.

На основаніи изложенныхъ соображеній, я имѣю честь предложить Вашему, М.м. Г.г., вниманію слѣдующія положенія о примѣненіи института условнаго осужденія соотвѣтственно русскимъ условіямъ:

1. Представляется желательнымъ и возможнымъ введеніе въ наше законодательство института условнаго осужденія въ формѣ

института процессуального права, т. е. въ формѣ погасительной отсрочки исполненія наказанія, съ предоставленіемъ ея примѣненія судебнымъ органамъ.

2. Въ законѣ должны быть точно опредѣлены условія, при наличности которыхъ этотъ институтъ можетъ быть примѣненъ судебными установленіями, т. е. въ законѣ должны заключаться: а) указаніе на одинъ опредѣленный трехлѣтній для всѣхъ преступныхъ дѣяній срокъ испытательнаго періода; б) опредѣленіе прежней судимости какъ препятствія къ примѣненію условнаго осужденія, по тяжести отбытаго наказанія, независимо отъ времени, отдѣлявшаго таковую отъ вновь совершеннаго преступнаго дѣянія, съ указаніемъ, что условное осужденіе непримѣнимо къ лицамъ, воспользовавшимся ранѣе погасительной отсрочкой исполненія наказанія; в) точное по роду и тяжести наказанія опредѣленіе тѣхъ преступныхъ дѣяній, при коихъ возможно примѣненіе условнаго осужденія, съ обозначеніемъ въ законѣ, что условное осужденіе примѣнимо только при присужденіи къ краткосрочному лишенію свободы на срокъ не свыше 1 года тюремнаго заключенія или заточенія на тотъ же срокъ, и съ указаніемъ, что условное осужденіе не примѣняется къ тѣмъ несовершеннолѣтнимъ, въ отношеніи которыхъ представляется возможной замѣна краткосрочнаго лишенія свободы помѣщеніемъ ихъ въ исправительно-воспитательныя заведенія; г) точное по роду и тяжести наказанія опредѣленіе тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя прерываютъ теченіе испытательнаго періода, съ указаніемъ, что таковыми будутъ всѣ умышленныя преступныя дѣянія, за которыя будетъ назначено наказаніе не ниже тюремнаго заключенія, въ отношеніи же повлекшихъ за собою то же наказаніе неумышленныхъ преступныхъ дѣяній рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено усмотрѣнію судебныхъ установленій, если только первое преступное дѣяніе, за которое наказаніе было отсрочено, не было также неумышленнымъ преступнымъ дѣяніемъ; д) указаніе на особый порядокъ наблюденія за несовершеннолѣтними до 17-лѣтняго возраста во время испытанія; е) указаніе, что основаніемъ къ исполненію отсроченнаго наказанія должно быть только констатированіе вновь совершеннаго преступнаго дѣянія судебнымъ приговоромъ, вступившимъ въ законную силу; ж) обозначеніе послѣдствій примѣненія условнаго осужденія, при чемъ, въ случаѣ удачі испытанія, отсроченное судомъ наказаніе, окончательно погашаясь, считается какъ бы отбытымъ, въ случаѣ же неудачи, отбывается

полностью и независимо отъ наказанія за вновь совершенное преступное дѣяніе.

3. Для обезпеченія законности дѣйствій судебныхъ установленій по примѣненію условнаго осужденія необходимо возложить на прокурорскій надзоръ наблюденіе за правильностью примѣненія этого института единоличными судебными органами съ правомъ подачи протеста въ установленный въ законѣ срокъ, или же инымъ путемъ обезпечить надлежащій судебный контроль надъ приговорами единоличныхъ судей.

Думается, что институтъ условнаго осужденія, поставленный въ нашемъ законодательствѣ на первыхъ порахъ столь осторожно, въ будущемъ съ успѣхомъ привьется на нашей отечественной почвѣ и сдѣлается нашимъ роднымъ институтомъ.

По окончаніи доклада засѣданіе на этотъ день было закрыто въ 3 ч. 45 м. пополудни.

Въ 6 часовъ состоялся товарищескій обѣдъ по подпискѣ, на которомъ были произнесены тосты за союзъ криминалистовъ, русскую его группу, Министра Юстиціи, и другіе.

На слѣдующій день 5 января члены союза осматривали утромъ музей кабинета уголовного права при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ подъ руководствомъ хранителя его, члена союза А. А. Жижиленко.

Въ 1 ч. 10 м. 5 января въ зданіи Министерства Юстиціи было открыто вновь засѣданіе въ составѣ 23 членовъ ¹⁾. Предсѣдательствовалъ въ этотъ день членъ союза, предсѣдатель Петербургскаго Юридическаго Общества Э. Я. Фуксъ, который открывъ засѣданіе, высказалъ, что предложенный на обсужденіе съѣзда вопросъ имѣетъ несомнѣнно громадное государственное значеніе, и хотя съѣздъ не призванъ разрѣшать законодательныхъ вопросовъ, но имѣетъ возможность своими трудами расчистить путь для законодательной власти; поэтому представляется особенно желательнымъ, чтобы труды съѣзда были плодотворны; успѣхъ въ этомъ отношеніи

¹⁾ М. М. Боровитиновъ, С. К. Гогель, Д. А. Дриль, М. В. Духовской, Г. Г. Евангуловъ, А. А. Жижиленко, Н. А. Ковалевъ, Д. А. Коптевъ, А. А. Левенстимъ, А. Д. Лаврентьевъ, С. А. Муромцевъ, Л. І. Петражицкій, А. А. Пюнтковскій, В. В. Пржевальскій, А. С. Протасевъ, Г. Б. Сліозбергъ, И. М. Тютрюмовъ, И. Я. Фойницкій, А. К. Фонъ-Резонъ, А. О. Фридландеръ, Э. Я. Фуксъ, И. Г. Щегловитовъ, Э. А. Эрштремъ.

обезпечивается присутвіемъ хорошихъ работниковъ, но надо вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить программу и порядокъ преній; въ этомъ отношеніи онъ, предсѣдатель, будетъ держаться предложенной въ первомъ засѣданіи сѣзда И. Я. Фойницкимъ программы, устраняющей изъ обсуждения слишкомъ широкую часть вопроса — теоретическую, а въ отношеніи порядка предполагаетъ удѣлять каждому оратору не болѣе 15 минутъ. Собраніе выразило свое согласіе на предложенія предсѣдателя.

Послѣ этого было приступлено къ преніямъ, въ которыхъ приняли участіе члены группы: В. В. Пржевальскій, М. М. Боровитиновъ, Г. Г. Евангуловъ, А. А. Жижиленко, Л. І. Петражицкій, Г. Б. Слюзбергъ, Д. А. Дриль, С. К. Гогель, И. Г. Щегловитовъ, Н. А. Ковалевъ и И. Я. Фойницкій.

В. В. Пржевальскій: „Мм. Гг.! Въ 1890 году женеvскій проф. Альфредъ Готье началъ свое изслѣдованіе объ уголовной давности такъ: „нѣтъ вопроса болѣе современнаго; это нововведеніе носитъ въ воздухѣ; желательно ли оно или нѣтъ—но имъ слѣдуетъ заняться, и равнодушіе къ нему непозволительно!“ Эти слова прекрасно характеризуютъ положеніе интересующей насъ темы и въ настоящее время.

Въ 1889 году международный союзъ уголовного права началъ въ Брюсселѣ свои работы съ условнаго осужденія, а теперь мы открываемъ имъ свои занятія. За послѣднія 10 лѣтъ выросла богатая литература по этому вопросу, который со страницъ специальныхъ изслѣдованій и журналовъ перешелъ въ общую прессу и сталъ оживленно дебатироваться въ обществѣ. Чѣмъ объясняется этотъ неослабный общественный интересъ къ вопросу? Тому двѣ главныя причины: 1) постоянный за послѣднюю четверть вѣка ростъ мелкой преступности; 2) современные народы изнемогаютъ подъ бременемъ теоріи тюремнаго сажанія, которою въ области уголовной политики отъ начала до конца отмѣченъ XIX вѣкъ. Связь условнаго осужденія съ вопросомъ о наказаніяхъ лишеніемъ свободы несомнѣнная, и при томъ, генетическая. Оба вчерашніе наши докладчика ея не обошли, и я позволю себѣ также остановиться на нѣсколько мгновеній вниманіе почтеннаго собранія на наказаніяхъ краткосрочнымъ лишеніемъ свободы.

Наказаніе, какъ вторженіе государства въ имъ самимъ признанную правовую сферу гражданина, есть само по себѣ зло, мечъ обоюдоострый, безъ рукоятки, который, по выраженію Биндинга, рѣжетъ и того, кто имъ владѣетъ, а въ особенности—прибавлю я

отъ себя—того, кто неумѣло имъ владѣть. Мысль Бентама, что наказаніе должно быть минимально необходимымъ, лежитъ въ основѣ всякой цѣлесообразно организованной карательной системы. Необходима строгая экономія въ наказаніи, а особенно въ наказаніи лишеніемъ свободы. Еще Гольтцендорфомъ, кажется, было справедливо замѣчено, что цѣнность личной свободы возросла въ общественномъ сознаніи съ прогрессомъ культуры,—а съ этимъ совершенно не считаются законодательства, чрезмѣрно расточительныя на наказанія лишеніемъ свободы. Извѣстны дурныя стороны краткосрочнаго заключенія: 1) въ лучшемъ случаѣ оно по самой природѣ своей безцѣльно, ибо ни исправить, ни устрашить имъ нельзя; 2) часто является школою праздности и порока, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда здѣсь удастся организовать работы для заключенныхъ, онѣ причиняютъ подрывъ свободному труду; 3) оно отнимаетъ у общества и повергаетъ въ бездѣйствіе производительныя силы; 4) оно часто неиндивидуально, повергая въ нужду цѣлую семью заключеннаго кормильца-работника; 5) оно кладетъ на человѣка пятно позора, затрудняетъ реклассацию осужденнаго, искусственно создавая цѣлый классъ тюремныхъ завсегдатаевъ, *habitués de prison, chevaux de retour*, которые смотрятъ на тюрьму какъ на удобную и даровую гостиницу, гдѣ они могутъ отдохнуть отъ трудовъ и невзгодъ ихъ преступной карьеры; 6) оно затрудняетъ матеріальное удовлетвореніе потерпѣвшаго.

Условное осужденіе: 1) избавлено отъ перечисленныхъ недостатковъ краткосрочнаго заключенія; 2) болѣе, чѣмъ послѣднее, отвѣчаетъ принципу минимально необходимаго для общественной безопасности наказанія; 3) основано на нравственной самодѣятельности виновнаго, на работѣ виновнаго надъ самимъ собою, будитъ въ немъ всѣ соціальныя наклонности, въ то же время нравственно возвышая виновнаго въ его собственныхъ глазахъ довѣріемъ къ нему общества: словомъ, заключается въ исключительно психическомъ, чуждомъ всякаго физическаго принужденія, воздѣйствіи на виновнаго, и тѣмъ самымъ ближе къ нравственному идеалу правосудія; 4) введеніе условнаго осужденія заставляетъ судью относиться къ дѣлу не рутинно, не автоматически, а вникать, вдумываться въ нравственную личность подсудимаго, возвышая въ то же время нравственный авторитетъ суда новымъ актомъ довѣрія законодателя.

Вамъ всѣмъ, мм. гг., хорошо извѣстны статистическія данныя о примѣненіи института условнаго осужденія, и я ограничусь лишь

указаніемъ на то, что законъ большихъ чиселъ, составляющій силу статистическаго изслѣдованія, здѣсь вполнѣ соблюденъ, и мы располагаемъ для сужденія о результатахъ условнаго осужденія обширнымъ матеріаломъ въ нѣсколько сотъ тысячъ практическихъ случаевъ. Противники института иногда указываютъ на отсутствіе статистическихъ данныхъ о неблагоприятномъ будто бы вліяніи условнаго осужденія на колеблющихся людей, въ смыслѣ ослабленія общаго предупрежденія преступленій. Всѣ юристы знаютъ, что доказать отрицательный фактъ мудрено, а потому уже на обязанности противниковъ института лежитъ доказать параллелизмъ между введеніемъ и расширеніемъ примѣненія условнаго осужденія въ данной странѣ, съ одной, и между общимъ усиленіемъ въ ней преступности, съ другой стороны. Еще и тогда противники условнаго осужденія должны будутъ, кромѣ того, доказать и причинную связь между этими двумя рядами соціальныхъ явленій. Теперь же о практическомъ примѣненіи условнаго осужденія мы смѣло можемъ повторить слова бельгійскаго министра юстиціи въ его парламентскомъ отчетѣ за 1895 годъ: „le résultat a dépassé les espérances“.

Я полагаю также, что вопросъ о юридической природѣ условнаго осужденія вовсе не „абстрактный вопросъ, осложняющій нашу тему“. Русская группа, по уставу своему призванная къ научной разработкѣ уголовного права, должна выяснить законодателю юридическую природу и сущность условнаго осужденія. Условное присужденіе къ лишенію свободы или штрафу есть зло, въ силу закона налагаемое судебными органами въ установленномъ порядкѣ на виновнаго, за опредѣленное правонарушеніе. Дамокловъ мечъ, въ образѣ лишенія свободы или денежнаго взыскація, висящій надъ условно осужденнымъ, является извѣстнымъ страданіемъ, причиняемымъ преступнику со стороны государственной власти. Соединяя, такимъ образомъ, въ себѣ всѣ моменты, входящіе въ понятіе уголовного наказанія, условное осужденіе не есть „суррогатъ, замѣна наказанія“, „погасительная отсрочка исполненія наказанія, постановляемая судебными органами“, какъ то утверждаетъ И. М. Тютрюмовъ, а наказаніе; условное осужденіе институтъ не процессуальнаго, а матеріальнаго права.

Противъ организаціи условнаго осужденія въ формѣ условнаго помилованія, помимо теоретическихъ, можно привести и практическое соображеніе. Такая форма возможна еще въ сравнительно мелкихъ по населенію государствахъ Германіи, а никакъ не въ

обширной Россіи, гдѣ надо ждаты ежегодно десятковъ, а пожалуй даже и сотенъ тысячъ условныхъ осужденій. Возможно ли, поэтому каждое изъ нихъ повергать, въ порядкѣ 775 ст. Уст. угол. суд., на Высочайшее воззрѣніе.

Современная реакція противъ злоупотребленій наказаніями краткосрочнымъ лишеніемъ свободы мѣтко охарактеризована знаменитымъ итальянскимъ криминалистомъ, какъ „крестовый походъ“, а всѣ крестовые походы всегда сопровождались нѣкоторыми увлеченіями. Вотъ почему при законодательномъ построеніи условнаго осужденія на практикѣ необходима большая осторожность. Мы всѣ знаемъ, и Международный Союзъ записалъ даже въ свой статутъ, что существуютъ преступники случайные и преступники привычки, хроническіе. Всѣ мы согласны также и въ томъ, что условное осужденіе цѣлесообразно лишь какъ мѣра борьбы съ классомъ преступниковъ случайныхъ. Между тѣмъ, ни въ дѣйствующемъ правѣ, ни въ проектѣ уголовного уложенія нѣтъ опредѣленія случайнаго преступника. Для того, чтобы практика не была разнообразна и условное осужденіе не выродилось въ форму судебного помилованія, необходимо въ самомъ текстѣ закона дать судѣ на первыхъ порахъ опредѣленный критерій для руководства при примѣненіи новаго института, указать, по образцу норвежскаго права, хотя-бы факультативно, тѣ условія, при наличности коихъ можно примѣнять къ виновному условное осужденіе. Такими условіями слѣдуетъ поставить: 1) небезчестность мотивовъ преступника, 2) признаніе обвиняемаго, 3) обязательство виновнаго возмѣстить потерпѣвшему вредъ и убытки, преступленіемъ причиненные. Первые два условія характеризуютъ собою нравственную фізіономію случайнаго преступника. Третье условіе, играя ту же роль, поскольку оно указываетъ на признаніе преступникомъ вредности его поступка для ближняго и его обязанности исправить свою ошибку въ предѣлахъ возможнаго, одновременно выясняетъ осужденному всю невыгодность преступнаго образа дѣйствій и говоритъ остальнымъ членамъ общества, что условное осужденіе не есть безнаказанность,—какъ утверждаютъ принципиальные противники рассматриваемаго института,—а лишь видъ наказанія, не освобождающій виновнаго отъ отвѣтственности за свои дѣйствія, а принуждающій его къ ней. Я думаю вмѣстѣ съ Гарофало, что потерпѣвшій далеко не всегда движимъ бываетъ инстинктомъ мести, а очень часто, возбуждая уголовное преслѣдованіе, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувства справедливости и довѣрія къ суду. Далѣе,

необходимо въ самомъ законѣ перечислить тѣ преступныя дѣянiя, виновные въ коихъ не подлежатъ условному осужденiю. Условное осужденiе не должно быть примѣняемо: 1) ко всѣмъ дѣянiямъ, свидѣтельствующимъ объ обращенiи преступной дѣятельности въ промыселъ, 2) къ преступленiямъ, всегда совершаемымъ по безчестнымъ мотивамъ, какъ то: ко всѣмъ видамъ уголовно наказуемаго сводничества и извлеченiя выгодъ изъ непотребства, вымогательства и ростовщичества. Условное осужденiе допустимо по дѣянiямъ, караемымъ денежнымъ штрафомъ, арестомъ, тюрьмою, заточенiемъ и поселенiемъ. Высказываясь за ограниченiе примѣненiя условнаго осужденiя дѣянiями, за которыя по проекту уголовного уложенiя назначается судомъ заточенiе на срокъ не свыше года, А. А. Пiонтковскiй вступаетъ въ прямое противорѣчiе съ основною идеею условнаго осужденiя, какъ одного изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ борьбы со случайнымъ преступнымъ людомъ. Область случайной преступности отнюдь не ограничивается дѣянiями, караемыми по проекту уголовного уложенiя тахiшимъ заточенiемъ до одного года.

При учиненiи условно осужденнымъ за умышленное преступленiе преступленiя неосторожнаго, разрѣшенiе вопроса о неудачѣ примѣненiя условнаго осужденiя слѣдуетъ предоставить усмотрѣнiю суда. Если же оба дѣянiя совершены по неосторожности и проистекають изъ одного и того же антисоциальнаго источника, примѣненiе условнаго осужденiя должно быть признано неудавшимся. О безсилiи сдерживающаго воздѣйствiя, которое должно быть оказываемо на виновнаго условнымъ осужденiемъ, наглядно свидѣтельствуетъ и новое неосторожное преступленiе лица, однажды уже подвергшагося условному осужденiю за неосторожный проступокъ. Новое преступленiе, совершенное при такихъ условiяхъ, показываетъ, что небрежное отношенiе къ правамъ и интересамъ другихъ вошло въ плоть и кровь даннаго преступнаго дѣятеля и не можетъ быть парализовано однимъ лишь условнымъ осужденiемъ, но нуждается въ болѣе интенсивныхъ формахъ устрашительно-воспитательнаго воздѣйствiя государственной власти“.

М. М. Боровитиновъ: „Мм. Гг.! Я надѣюсь, никто не станетъ отрицать, что въ продолженiе тѣхъ 10, тахiшимъ 15 минутъ, которыя имѣются въ нашемъ распоряженiи, вопросъ объ институтѣ условнаго осужденiя всесторонне съ достаточной обстоятельностью разсмотрѣть нельзя; волей-неволей приходится останавливаться на какой-либо одной сторонѣ его и выясненiемъ ея ограни-

чивать свою задачу. Лицамъ, не имѣющимъ удовольствія принадлежать къ числу сторонниковъ института, мнѣ кажется, можетъ представляться задача троякаго рода: они могутъ или: 1) опровергать по существу приводимые защитниками условнаго осужденія доводы въ доказательство необходимости введенія этого института; или 2) доводамъ за введеніе института противопоставлять, съ своей стороны, доводы противъ его введенія; или, наконецъ, 3) не касаясь доводовъ, приводимыхъ въ пользу условнаго осужденія по существу, доказывать, что доводы эти о необходимости введенія условнаго осужденія отнюдь не свидѣтельствуютъ, даже при признаніи ихъ справедливыми, о цѣлесообразности условнаго осужденія. Съ этой послѣдней постановки вопроса, мнѣ кажется, и надлежало бы начать его обсужденіе, такъ какъ, если бы мы могли убѣдиться въ томъ, что даже тѣ прекрасные, блестящіе съ внѣшней стороны, доводы, съ которыми мы имѣли удовольствіе познакомиться въ представленныхъ группѣ докладахъ, необходимости условнаго осужденія доказать совершенно не въ силахъ, то едва-ли стоило бы тогда особенно останавливаться на аргументахъ въ пользу невведенія этого института. Поскольку необходимость введенія условнаго осужденія недоказана, необходимость невведенія его едва-ли можетъ возбуждать сомнѣнія. Вчера, правда, мы слышали мнѣніе обратное; указывалось на то, что введенія этого института, сдѣлавшагося достояніемъ „всего цивилизованнаго міра“, требуетъ наше національное самолюбіе, что для того, чтобы оправдать его невведеніе, необходимо существованіе непреодолимыхъ препятствій. Я позволю себѣ совершенно не согласиться съ возможностью такой постановки вопроса, тѣмъ болѣе, что ссылка на „весь цивилизованный міръ“ очень красивая, но весьма очевидная гипербола. Институтъ условнаго осужденія введенъ въ настоящее время въ пяти государствахъ: Бельгіи, Франціи, Люксембургѣ, Португаліи, Норвегіи и трехъ швейцарскихъ кантонахъ: Невшателѣ, Женевѣ и Во. Говорятъ, онъ на пути къ введенію его въ Австрію и Германію; но будетъ ли онъ введенъ въ этихъ государствахъ—это еще большой вопросъ. Пока намъ извѣстно, что въ 1890 году на первомъ съѣздѣ нѣмецкой группы нашего союза въ Галле была провозглашена блестящая побѣда условнаго осужденія, но въ слѣдующемъ году, на гамбургскомъ съѣздѣ сѣверо-западнаго общества нѣмецкихъ тюремновѣдцевъ, условное осужденіе было безусловно осуждено большинствомъ всѣхъ, противъ трехъ, голосовъ. Былъ затѣмъ возбужденъ вопросъ о введеніи его въ Пруссіи. Прусскій министръ юстиціи

обратился съ запросами о мнѣніи къ предсѣдателямъ и прокурорамъ апелляціонныхъ судовъ. Изъ опубликованныхъ отзывовъ 13 лицъ, двѣнадцать категорически высказались противъ введенія этого института, тринадцатымъ введеніе его было признано несвоевременнымъ. Хотя въ ноябрѣ 1896 г. рейхстагъ просилъ, дѣйствительно, государственнаго канцлера войти въ обсужденіе вопроса о желательности введенія условнаго осужденія въ общеимперское законодательство, но свѣдѣній о томъ, какъ отнесся къ этому порученію государственный канцлеръ, какъ извѣстно, до сего времени нѣтъ. Принявъ все это во вниманіе, а также число противниковъ условнаго осужденія въ Германіи и ихъ общественное и научное значеніе, едва-ли мы не будемъ въ правѣ утверждать, что расчеты сторонниковъ института на разрѣшеніе вопроса о введеніи его въ Германіи непремѣнно въ утвердительномъ смыслѣ не имѣютъ подъ собою, казалось бы, достаточно твердой почвы. Далѣе, я позволю себѣ напомнить вамъ, что 5 іюля 1890 года обществомъ голландскихъ юристовъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о желательности введенія института условнаго осужденія въ Голландіи. Столь же неблагосклонными къ условному осужденію оказались и генеральный съѣздъ скандинавскихъ юристовъ, собравшійся въ августѣ 1890 года въ Копенгагенѣ, и общество венгерскихъ юристовъ въ Будапештѣ. Шведскимъ депутатомъ Андерсономъ въ 1890 году былъ возбужденъ въ парламентѣ вопросъ о составленіи законопроекта введенія условнаго осужденія въ Швеціи; по обсужденіи предложенія сначала въ комисіи, а затѣмъ въ обѣихъ палатахъ, оно было оставлено парламентомъ безъ послѣдствій. 18 марта 1892 года министромъ юстиціи Венгріи проектъ условнаго осужденія былъ внесенъ въ палату депутатовъ; какъ извѣстно, проектъ этотъ не получилъ законодательной санкціи. Не сдѣлался равнымъ образомъ закономъ проектъ введенія условнаго осужденія въ Италіи, представленный въ 1893 году министромъ Боначчи; судьба этого проекта мнѣ неизвѣстна. Всѣ эти данныя я привелъ только для того, чтобы, опираясь на нихъ, утверждать, что если бы мы, обсуждивъ доводы, приводимые въ пользу условнаго осужденія, не усмотрѣли бы достаточной необходимости во введеніи этого института, то мы могли бы отвергнуть его, нисколько не опасаясь за то, что наше національное самолюбіе можетъ отъ того сколько-нибудь пострадать, что мы рискуемъ сдѣлаться изъятіемъ изъ „всего цивилизованнаго міра“; напротивъ, даже со стороны нашихъ ближайшихъ сосѣдей мы могли бы рассчитывать въ этомъ случаѣ на

полное сочувствіе. Для рѣшенія вопроса, однако, эти данныя, неблагоприятныя для института, также какъ и указанія на блестящія побѣды условнаго осужденія, „его путешествіе вокругъ свѣта“, не имѣютъ, разумѣется, никакого значенія.

Въ чемъ же заключаются тѣ доводы, которыми доказывается необходимость введенія условнаго осужденія? Доводы эти двоякаго рода—теоретическіе и основанные на статистическихъ данныхъ, при чемъ первые, въ свою очередь, состоятъ: 1) изъ указаній на отрицательныя достоинства института и 2) изъ указаній его достоинствъ положительныхъ.

Институтъ условнаго осужденія необходимъ потому, что тюрьма дурна—основной силлогизмъ, базисъ, на которомъ строится защита института;—дурна такъ, что день пребыванія въ ней развращаетъ человѣка, фактъ появленія въ ней деклассируетъ его, налагаетъ пятно, которое не можетъ быть смыто при самомъ образцовомъ ея устройствѣ. Человѣкъ, имѣвшій несчастье попасть въ тюрьму,—человѣкъ погибшій: онъ долженъ неизбѣжно сдѣлаться профессиональнымъ преступникомъ или во время нахождения своего въ тюрьмѣ или по выходѣ изъ нея, въ силу неблагоприятныхъ социальныхъ условій: бывшего тюремнаго сидѣльца избѣгаютъ, сторонятся, пути къ честной и трудовой жизни для него суживаются, а иногда и окончательно закрываются. Итакъ, посылка—тюрьма дурна; выводъ—институтъ условнаго осужденія долженъ замѣнить собою краткосрочное лишеніе свободы для преступниковъ случайныхъ. Я позволю себѣ спросить васъ, мм. гг., между посылкой и выводомъ есть-ли какая либо связь? Не отвѣчаетъ цѣлямъ наказанія тюрьма—уничтожьте тюрьму; противорѣчитъ цѣлямъ наказанія не тюрьма вообще, а только краткосрочное лишеніе свободы, недопускающее, въ виду непродолжительности сроковъ, возможности въ силу того правильно организовать трудъ и т. п., оказать на преступника надлежащее исправительное воздѣйствіе,—уничтожьте его, замѣните его, напр., заключеніемъ долгосрочнымъ, при которомъ исправленіе преступника было бы возможно. Сторонники теорій возмездія, абсолютныхъ, правовыхъ, противъ повышенія сроковъ наказанія могли бы, конечно, заявить протестъ; но ожидать возраженій отъ представителей школы, которой институтъ условнаго осужденія обязанъ своимъ происхожденіемъ на свѣтъ, школы, которая усматриваетъ задачи наказанія въ борьбѣ съ преступностью, въ исправленіи преступника, въ приспособленіи его къ требованіямъ общежитія, очевидно, не имѣется ни малѣйшихъ основаній.

Преступника надо держать въ тюрьмѣ, пока онъ будетъ исправленъ, приспособленъ, пока надъ преступностью будетъ одержана побѣда. Но какимъ образомъ отъ распадѣнія тюрьмы можно придти къ необходимости для случайныхъ преступниковъ условнаго осужденія? Случайные преступники составляютъ, казалось бы, тотъ контингентъ тюремъ, который наиболѣе предохраненъ отъ порчи. Чѣмъ глубже укоренился преступный мотивъ, тѣмъ сильнѣе онъ долженъ въ тюрьмѣ развиваться, и долгосрочное лишеніе свободы является для него, разумѣется, болѣе благопріятной атмосферой, чѣмъ заключеніе краткосрочное. Не абсурдъ ли надѣяться исправить привычнаго преступника въ тюрьмѣ, въ этой ужасной тюрьмѣ, которая даже случайнаго гостя неспособна предохранить отъ порчи? Не абсурдъ ли держать лицо въ заключеніи мѣсяцы, годы, десятки лѣтъ и все-таки признавать возможнымъ его возвратъ въ общество, когда даже самое краткосрочное лишеніе свободы неизбѣжно влечетъ за собою деклассацію? И такъ, даже не касаясь существа основныхъ доводовъ сторонниковъ института, построенныхъ на общепризнанныхъ, неизбѣжныхъ недостаткахъ лишенія свободы, мы не можемъ не видѣть, что, если бы эти доводы даже и были справедливы, они били бы значительно далѣе цѣли и, доказывая болѣе того, что нужно, не доказывали бы собственно того, что требуется доказать. Да и можетъ ли когда-либо отрицательный моментъ—необходимость измѣнить или устранить существующее—служить достаточнымъ оправданіемъ того, что должно стать на его мѣсто?

Другой аргументъ въ пользу института,—аргументъ опять-таки отрицательнаго характера, но отличающійся значительно большею послѣдовательностью,—заключается въ томъ, что институтъ условнаго осужденія не только предохраняетъ случайныхъ преступниковъ отъ тлетворнаго вліянія тюрьмы, но избавляетъ ихъ отъ наказанія вообще,—наказанія для нихъ бесполезнаго,—отъ котораго ихъ и можно и должно избавить. Не преступное дѣяніе само по себѣ, но преступное дѣяніе, какъ симптомъ, проявленіе преступныхъ наклонностей личности, является объектомъ карательнаго правосудія: дѣяніе случайнаго преступника не имѣетъ характера такого симптома. Его надлежитъ признать совершившимся фактомъ, обязаннымъ, главнымъ образомъ, особенно сложившимся, независящимъ отъ преступника обстоятельствамъ, фактомъ, не заключающимъ въ себѣ достаточныхъ основаній для принятія по отношенію къ случайнымъ преступникамъ репрессивныхъ мѣръ.

Допустимъ, что это такъ, что не кража вообще, а только кража, учиненная привычнымъ преступникомъ, носить въ себѣ необходимые реквизиты для примѣненія наказанія: но почему воръ случайный долженъ быть освобожденъ отъ наказанія условно, а не безусловно? Только-что приведенныя соображенія на этотъ вопросъ, очевидно, не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта.

Еще болѣе сомнительными, чѣмъ отрицательныя достоинства, представляются положительныя достоинства этого института.

Институтъ условнаго осужденія,—говорять его защитники,—это своеобразное карательное средство, предназначенное для борьбы съ случайнымъ преступнымъ людомъ, средство цѣлесообразное и репрессивное; цѣлесообразное потому, что воздѣйствіе специальной угрозы, висящей опредѣленный періодъ времени надъ головой осужденнаго, въ связи съ возможностью, всецѣло зависящей отъ осужденнаго, избавиться отъ наступленія связанныхъ съ нею вредныхъ послѣдствій, не можетъ не содѣйствовать образованію привычки дѣйствовать въ легальномъ направленіи, другими словами, приспособленію преступника къ условіямъ общежитія,—репрессивное, благодаря причиняемому угрозой моральному страданію. Что касается перваго момента, то по поводу него можно бы было, конечно, указать на то, что универсальное значеніе Дамоклова меча уже подверглось нѣкоторому сомнѣнію въ наукѣ; что исключительное дѣйствіе угрозы наказаніемъ, въ качествѣ фактора, задерживающаго совершеніе преступленій, въ особенности не пользуется кредитомъ у представителей школы, пустившей институтъ условнаго осужденія въ обращеніе; что трудно требовать отъ условно осужденнаго, чтобы онъ не совершалъ втораго преступленія, коль-скоро преступленіе вообще есть столько же результатъ социальныхъ, сколько и индивидуальныхъ условій. Можно было бы, далѣе, обратить вниманіе на то, что самая мысль особо угрожать наказаніемъ случайному преступнику заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, что, какъ это уже было справедливо отмѣчено въ нашей литературѣ, теорія специального предупрежденія, выходя изъ предположенія, что человѣкъ, разъ совершившій преступленіе, склоненъ нарушать законъ и на будущее время, явно несостоятельна во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ совершенно обратная фикція; словомъ, можно было бы доказать, что расчеты на цѣлебное дѣйствіе угрозы сами по себѣ лишены всякихъ достаточныхъ основаній. Но предположимъ обратное, повѣримъ въ то, что только угроза наказаніемъ, и притомъ угроза, выражен-

ная не въ законѣ, а спеціально повѣшенная надъ головой индивида судьей, можетъ удержать его отъ совершенія преступленій, приспособить къ обществу, способствовать образованію въ немъ привычки къ легальному образу дѣйствій. Надлежитъ ли отсюда заключить, что процедура повѣшенія такой угрозы должна являться результатомъ, послѣдствіемъ перваго совершеннаго даннымъ лицомъ преступнаго дѣянія? Никоимъ образомъ; это было бы равносильно выводу, что желательно предупреждать не преступления вообще, а только ихъ рецидивъ. Какъ бы цѣлесообразна предупредительная мѣра ни была, нельзя ставить ее на мѣсто наказанія.

И вотъ выступаетъ на сцену новый аргументъ, аргументъ рѣшительный, дѣлающій всѣ остальные излишними. Условное непримѣненіе наказанія,—говорятъ нѣкоторые защитники института,—является само по себѣ наказаніемъ, наказаніемъ индивидуализированнымъ, утонченнымъ, лишеннымъ его грубой матеріальной оболочки. Осужденный находится въ теченіе опредѣленнаго періода времени подъ особымъ спеціальнымъ психическимъ давленіемъ; отсрочка наказанія въ связи съ возможностью подвергнуться наказанію въ будущемъ заставляетъ его страдать, онъ страдаетъ иногда сильнѣе, чѣмъ еслибы наказаніе было къ нему дѣйствительно примѣнено. Сто лѣтъ тому назадъ, мм. гг., подобными же соображеніями французскіе криминалисты пытались обосновать институтъ уголовной давности; но какъ же отнеслась къ нимъ позднѣйшая доктрина? Ортоланъ называетъ ихъ соображенія „дѣтскими, пустыми, риторическими фразами“, Гейнце наглядно доказываетъ ихъ несостоятельность. Но если въ настоящее время ученые единогласно признаютъ, что, распространяя понятіе наказанія на страданія преступника, боящагося обнаруженія учиненнаго имъ дѣянія, защитники уголовной давности шли слишкомъ далеко, то вѣдь защитники условнаго осужденія идутъ въ томъ же направленіи бесконечно дальше. Преступникъ необнаруженный, испытывая страхъ предъ угрожающей ему за совершенное дѣяніе карой, абсолютно не въ состояніи этой кары предотвратить; условно осужденный, опасаясь невыгодныхъ для себя послѣдствій, предотвратить ихъ можетъ очень легко: онъ долженъ не совершать только новыхъ преступленій. Въ необходимости воздержанія отъ дальнѣйшей преступной дѣятельности и заключается все страданіе условно осужденнаго; принужденіе подчинять себя требованіямъ закона и должно служить для него утонченнымъ наказа-

ніемъ. Но, слѣдовательно, и всѣ мы, обязанные всю нашу дѣятельность сообразовывать съ волей закона, терпимъ страданія, подвергаемся наказанію, наказанію безусловному, пожизненному, не приостанавливающемуся въ своемъ дѣйствіи ни въ одинъ изъ моментовъ нашей сознательной жизни...

Констатировавъ этотъ, хотя не лишенный интереса, выводъ, но выводъ едва-ли способный убѣдить многихъ въ репрессивности условнаго осужденія, мнѣ остается подвести итоги. И что же, не оказывается ли въ итогѣ, что Кирхенгеймъ былъ не совсѣмъ неправъ, утверждая на Петербургскомъ конгрессѣ, что логику въ доводахъ, приводимыхъ обыкновенно за условное осужденіе, не только трудно, но даже совершенно невозможно найти, что доводы эти доказываютъ, можетъ быть, многое, но только не необходимость введенія этого института, не то, что они имѣютъ въ виду доказать? На этомъ основаніи я позволяю себѣ предложить высказаться противъ введенія у насъ института, непримиримымъ врагомъ котораго является логика“.

Г. Г. Евангуловъ: „Противникъ континентальной формы условнаго осужденія, предлагаемой комитетомъ русской группы Международнаго Союза криминалистовъ, я не буду, однако, указывать на теоретическую несостоятельность и практическую негодность этого института. Я не буду говорить о томъ, что погасительная отсрочка исполненія приговора не имѣетъ никакого репрессивнаго значенія, что права подсудимые, которыхъ мнѣ довелось видѣть въ парижскомъ судѣ исправительной полиціи, условно осужденные и благодарившіе судъ за помилованіе. Не буду останавливаться на вопросѣ о томъ, что безнаказанность перваго преступленія, хотя-бы условная, ослабляетъ въ народномъ сознаніи социально-необходимую неразрывность представленій преступленія и наказанія, что она превращаетъ помилованіе изъ акта экстраординарнаго, совершаемаго въ порядкѣ Монаршей милости, въ актъ обыкновенный, будничныи, совершаемый по произволу суда. Обо всемъ этомъ или уже сказалъ г. Боровитиновъ или скажутъ другіе противники условнаго осужденія, въ этомъ смыслѣ уже высказывавшіеся въ литературѣ. Я ограничу свою задачу указаніемъ на нѣсколько фактическихъ ошибокъ, распространенныхъ въ западной литературѣ и перенесенныхъ къ намъ усердными сторонниками этого института. Такой ошибкой, думается мнѣ, является утвержденіе, высказанное тутъ вчера, якобы институтъ условнаго осужденія совершилъ *le tour du monde*—континентальная отсрочка

исполненія приговора не имѣетъ ничего или очень мало общаго съ англійской системой или системами американской и австралійской. Въ Бельгiи находимъ мы институтъ условнаго осужденія въ чистомъ его видѣ. Преступникъ судится, приговаривается къ извѣстному наказанію и затѣмъ отпускается на всѣ четыре стороны, при чемъ ему объявляется, что если онъ совершитъ новое преступленіе или проступокъ (совершенія нарушенія недостаточно), то прежнее наказаніе будетъ исполнено. Не то мы видимъ въ Америкѣ и въ Австраліи, гдѣ къ условному осужденію присоединяется „испытаніе“. Лица, отпущенныя на испытаніе, поступаютъ подъ надзоръ „probation officer'a“. Они обязаны доставлять ему свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, образѣ жизни и сообразоваться съ его указаніями. Probation officer периодически посѣщаетъ ихъ въ ихъ жилищахъ. Не совершеніе новаго преступленія, а дурное поведеніе служитъ основаніемъ для отмѣны отсрочки. Осложненное полицейскимъ надзоромъ, условное осужденіе даетъ въ Америкѣ дѣйствительно благіе результаты. Не знаетъ погасительной отсрочки наказанія въ чистой, континентальной его формѣ и англійское право. Англійское условное осужденіе является обязательнымъ соединеніемъ условной отсрочки съ поручительствомъ. Судъ, отпуская обвиняемаго на свободу, беретъ съ него обязательство въ томъ, что, въ случаѣ дурнаго поведенія или нарушенія мира, онъ лично или совмѣстно съ поручителями внесетъ въ казну опредѣленную сумму денегъ.

Разница, существующая между институтомъ, дѣйствующимъ на европейскомъ континентѣ и предлагаемымъ сторонниками его у насъ, и той системой испытанія, которая существуетъ въ Англии, Америкѣ и Австраліи, настолько велика, что не даетъ, думается намъ, права ихъ соединять въ одно понятіе. Благопріятные результаты въ Америкѣ или Англии не могутъ служить аргументами въ пользу континентальной формы условнаго осужденія.

Другой, не менѣе существенной ошибкой, пущенной въ оборотъ бельгійскимъ профессоромъ Rgins'омъ и, къ сожалѣнію, получившей въ русской литературѣ право гражданства, является, по нашему мнѣнію, постоянное сравненіе процента лицъ, условно-осужденныхъ, совершившихъ новое преступное дѣяніе, съ общимъ процентомъ рецидива. „Въ то время какъ лица, подвергшіяся условному осужденію, — сказалъ вчера г. Пionтeовскій, — даютъ maximum 10 % рецидива, лица, подвергшіяся другимъ родамъ наказанія, даютъ 40

и болѣе процентовъ“. Ergo, условное осужденіе наилучшее наказаніе для случайныхъ преступниковъ.

Такъ ли это? Можно ли сравнивать эти двѣ цифры и изъ ихъ сравненія выводить какія-либо заключенія? Новѣйшая бельгійская статистика говоритъ намъ, что изъ 100 условно-осужденныхъ только 10 совершаютъ новыя преступныя дѣянія. Что же даетъ намъ право утверждать, что тѣ же лица, уплати они въ дѣйствительности штрафъ (въ 1896 г. отсрочки исполненія штрафа составляли 89, 6⁰/₁₀ всѣхъ отсрочекъ) или отсиди въ тюрьмѣ, дали бы большій процентъ рецидивистовъ.

Статистика не даетъ намъ данныхъ касательно числа новыхъ преступленій или проступковъ, совершенныхъ въ теченіе пяти лѣтъ (таковъ срокъ испытанія по закону 1888 г.) первичными преступниками (только къ нимъ можетъ быть примѣнено условное осужденіе), дѣйствительно уплатившими штрафъ или отбывшими тюремное заключеніе на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Только эти цифры, касающіяся однородныхъ явленій, могли бы быть сравниваемы, 30—40⁰/₁₀ общаго рецидива указываютъ лишь на существованіе профессиональныхъ и привычныхъ преступниковъ, не отказывающихся отъ преступной дѣятельности и послѣ того, какъ отсидѣли наказаніе тюрьмою.

Если, такимъ образомъ, значеніе условнаго осужденія какъ средства спеціальнаго принужденія, какъ способа воздѣйствія на отдѣльную личность, является недоказаннымъ, то еще менѣе доказанной является польза условнаго осужденія какъ средства общаго принужденія, какъ способа воздѣйствовать на народныя массы, вліять на преступность вообще. Припоминаются мнѣ по этому поводу любопытныя слова оффиціальнаго делегата голландскаго правительства на парижскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ 1895 г. — профессора Pals'a: „Въ Бельгіи въ 1870 году цифра осужденій на срокъ 6 мѣсяцевъ и ниже равнялась — 10.000; въ 1884 г. — 19.000. Сторонники условнаго осужденія, требуя введенія этого института въ виду его вліянія на уменьшеніе преступности въ странѣ, предсказывали, что въ случаѣ невведенія его — въ 1890 г. осужденій будетъ 29.000. Условное осужденіе было введено въ законодательство. Въ 1890 г. число осужденій равнялось 36.000, въ 1891 г. — 41.000, въ 1892 г. — 46.000.“

Было бы, конечно, смѣло утверждать, по правилу *post hoc, ergo propter hoc*, что институтъ условнаго осужденія способствовалъ увеличенію преступности. Нельзя, однако, не признаться, что цифры

эти не могут служить доказательствомъ вліянія условнаго осужденія на уменьшеніе преступности“.

А. А. Жижиленко: „Не входя въ разсмотрѣніе принципиальнаго вопроса о сущности или юридической природѣ института условнаго осужденія,—вопроса, безспорно, въ высшей степени интереснаго, но едва-ли могущаго принести практическую пользу, и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ крайнюю желательность и необходимость введенія условнаго осужденія у насъ, я намѣренъ сказать только нѣсколько словъ по поводу той конструкціи этого института, которую мы находимъ въ положеніяхъ уважаемаго докладчика И. М. Тютрюмова. Возраженія мои сводятся къ слѣдующимъ. 1) Едва-ли можно согласиться съ установленіемъ разъ на всегда одного, точно опредѣленнаго срока испытательнаго періода для всѣхъ преступныхъ дѣяній; докладчикъ имѣетъ въ виду дать опредѣленныя рамки суду и тѣмъ устранить произволь судей, который невыгодно отразится на отношеніи народа къ этому институту, но едва-ли можно предполагать произволь судей, особенно если имѣть въ виду тѣ гарантіи законности дѣятельности суда, которыя были указаны въ докладѣ. Институтъ условнаго осужденія разсчитанъ на особенно тонкій анализъ каждаго отдѣльнаго случая, вслѣдствіе чего суду слѣдуетъ предоставить право двигаться въ предѣлахъ, обозначенныхъ извѣстнымъ *maximum* срока; иначе, можно себѣ представить такіе случаи, когда подвергнуться условному осужденію будетъ даже невыгодно для даннаго лица. Положимъ, что лицо совершило незначительный проступокъ, относительно котораго въ законѣ установленъ непродолжительный срокъ давности рецидива; по истеченіи этой давности то же лицо совершаетъ вторично преступное дѣяніе: въ этомъ случаѣ оно подвергается наказанію только за это послѣднее дѣяніе; между тѣмъ, если оно воспользовалось льготой условнаго осужденія, испытательный періодъ котораго больше давности рецидива, то по конструкціи условнаго осужденія, предлагаемой докладчикомъ, оно подвергнется наказанію и за прежнее и за новое преступное дѣяніе. Въ виду возможности случаевъ подобнаго рода, надо предоставить суду большій просторъ дѣятельности, чтобы онъ, судя по особенностямъ конкретнаго случая, могъ опредѣлять и менѣе значительный срокъ испытательнаго періода. 2) Трудно согласиться съ положеніемъ докладчика о полной невозможности вторичнаго примѣненія условнаго осужденія. Институтъ давности существуетъ въ уголовномъ правѣ и приноситъ часто благодѣтельныя послѣдствія; едва-ли цѣлесообразно и со-

гласно съ духомъ института отказываться здѣсь отъ давности; а затѣмъ, это положеніе противорѣчитъ принципу, лежащему въ основаніи условнаго осужденія, какъ одного изъ лучшихъ средствъ борьбы съ случайными преступниками. Данное лицо можетъ оставаться случайнымъ преступникомъ, хотя-бы оно совершило не одно, а два или нѣсколько дѣяній, раздѣленныхъ между собой по времени и не связанныхъ внутренне между собой. Неужели нельзя примѣнить вторично условнаго осужденія въ томъ случаѣ, если извѣстное лицо было условно осуждено лѣтъ 20 тому назадъ, нынѣ снова призывается на судъ и изъ конкретной обстановки даннаго случая слѣдуетъ, что отбытіе назначеннаго судомъ наказанія крайне невыгодно отразится на его личности? 3) Примѣненіе условнаго осужденія, по мысли докладчика, возможно только для замѣны краткосрочнаго лишенія свободы: потребность, вызвавшая примѣненіе условнаго осужденія, должна быть критеріемъ для опредѣленія области дѣяній, при которыхъ возможно примѣненіе условнаго осужденія. Но важнѣйшимъ поводомъ къ введенію въ законодательство условнаго осужденія служитъ то обстоятельство, что это средство является однимъ изъ лучшихъ способовъ борьбы со случайнымъ преступникомъ. Достаточно указать на Норвегію, гдѣ, какъ утверждаютъ норвежскіе криминалисты, тюрьмы вполне хороши и достигаютъ своей цѣли, а между тѣмъ условное осужденіе все-таки введено, потому что самая идея, лежащая въ его основаніи, привлекаетъ къ себѣ гуманностью и самый институтъ пользуется вездѣ успѣхомъ. Да и кромѣ того, если ограничить область примѣненія условнаго осужденія однимъ только лишеніемъ свободы и не допускать его для замѣны, напр., штрафа, то на практикѣ можетъ оказаться такая несообразность. Если данное лицо было приговорено къ штрафу, но по несостоятельности принуждено отбывать наказаніе въ тюрьмѣ, къ нему нельзя примѣнить условнаго осужденія, а если оно было бы сразу приговорено къ лишенію свободы, условное осужденіе могло бы имѣть мѣсто. Мнѣ кажется поэтому, что ограничивать область примѣненія условнаго осужденія только тѣми дѣяніями, которыя влекутъ за собой лишеніе свободы не выше 1 года, нѣтъ основаній, наказаніе этого рода можетъ быть указано только какъ предѣльное, съ правомъ суда замѣнять условнымъ осужденіемъ и другія. 4) По положенію докладчика, условное осужденіе безусловно непримѣнимо по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ моложе 17 лѣтъ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ цѣлесообразнѣе будетъ помѣстить несовершеннолѣтняго въ

исправительное заведение, но весьма часто будетъ удобнѣе примѣнить условное осужденіе къ такимъ лицамъ, въ особенности если у нихъ есть вполне благонадежные родители, опекуны и т. п. Возраженіе мое сводится, такимъ образомъ, противъ безусловности, выставленной докладчикомъ. Наконецъ—5) трудно согласиться съ положеніемъ докладчика, что обстоятельствомъ, прерывающимъ течение испытательнаго періода, могутъ быть изъ умысленныхъ дѣяній только тѣ, которыя влекутъ за собой наказаніе не ниже лишенія свободы на срокъ 1 года. Вѣдь и другія умысленныя дѣянія, обложенныя менѣе тяжкими наказаніями, могутъ быть такого свойства, что дѣлаютъ невозможнымъ для даннаго лица пользоваться далѣе льготой условнаго осужденія; между тѣмъ, при отсутствіи указанія на это въ законѣ, условно-осужденный не можетъ быть вторично призванъ на судъ. Поэтому, мнѣ кажется, прерывающимъ обстоятельствомъ можетъ быть всякое умысленное дѣяніе*.

Д. І. Петражицкій замѣтилъ, что успѣхъ научнаго съѣзда не въ приготовленіи резолюціи, а въ научномъ выясненіи вопроса, и что онъ беретъ на себя скромную задачу провѣрить одинъ изъ аргументовъ, приводимыхъ сторонниками условнаго осужденія.

Ссылка на блестящій успѣхъ института по статистическимъ даннымъ неправильна и нѣтъ вовсе надежды разрѣшить вопросъ на основаніи статистики вообще. Ссылка на статистику, какъ на неопровержимое доказательство практической пользы института, лишшающее *raison d'être* теоретическіе выводы и сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ логическую ошибку.

Все общество можетъ быть раздѣлено на три группы: 1) на попавшихся въ преступленіи—делинквентовъ, 2) не попавшихся еще, но близкихъ къ преступленію по своему психическому складу—рефлектантовъ, если можно такъ выразиться, раздумывающихъ, и 3) на здоровую психически массу остальнаго народа. Сложный вопросъ, какъ вліяетъ наказаніе на каждую изъ этихъ группъ. Если и согласиться, что условное осужденіе благопріятно вліяетъ на первую группу—самую ничтожную по своему размѣру, то для выясненія значенія условнаго осужденія этого мало. Нужно съ цифрами этого рода сопоставить цифровыя данныя относительно другихъ группъ. Вторая группа характеризуется тѣмъ, что относящихся къ ней лицъ удерживаетъ отъ совершенія преступленія страхъ наказанія; относительно этой группы вовсе нѣтъ данныхъ статистики, указывающихъ, какое вліяніе оказываетъ на нее услов-

ное осужденіе, не переходятъ ли рефлектанты подъ его вліяніемъ въ делинквентовъ.

Нельзя отрицать, что для удержанія рефлектантовъ отъ преступленія важна степень достовѣрности наказанія. Условность противоположна достовѣрности, неизбѣжности. Не создается ли искушеніе сдѣлать первый шагъ на наклонную плоскость преступности тѣмъ, что первый проступокъ остается безнаказаннымъ, лишь бы не было втораго? Впрочемъ, намъ говорятъ, что условное осужденіе есть особый видъ наказанія. Но это потому, что не вполне ясно существо наказанія. Отсюда противорѣчія. Сопоставимъ, напр., принципъ *pop bis in idem* и наступленіе дѣйствительнаго наказанія въ случаѣ неисполненія условія со стороны условно осужденнаго (т. е. уже разъ наказаннаго, съ точки зрѣнія отвергаемой нами теоріи). Правильное названіе для нашего института: условная безнаказанность перваго преступленія.

На третью группу уголовное право тоже оказываетъ несомнѣнно свое вліяніе; оно вліяетъ на представленія, воззрѣнія, чувства общества. Здѣсь создается ассоціація идей между извѣстными дѣяніями и послѣдствіями этихъ дѣяній—наказаніями. Уголовное право черезъ наказаніе бросаетъ компрометирующую тѣнь на самое преступное дѣяніе, сообщая ему по ассоціаціи идей и чувствъ способность возбуждать инстинктивный страхъ и отвращеніе, отталкивающій характеръ. Чѣмъ больше процвѣтаетъ условное осужденіе, тѣмъ больше эта ассоціація идей и чувствъ теряетъ значеніе, зависящее отъ непрерывности фактическаго соединенія явленій и идей, являющейся закономъ природы (напр., свойство огня вызывать поврежденіе и боль при прикосновеніи) или приближающейся къ такому по своей безусловности.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что условная безнаказанность окажетъ такое или иное вліяніе на всѣ три группы. Традиціонно повторяемыя цифры (цифры рецидива) относятся только къ первой, самой ничтожной по количеству группѣ. Выводъ изъ этихъ цифръ о благомъ результатѣ института есть смѣшеніе слагаемаго съ суммою или вычитаемаго съ разностью—логическій промахъ. Такъ какъ цифръ, выражающихъ вліяніе на вторую группу нѣтъ, а относительно третьей группы и быть не можетъ, то не только теперь—преждевременно, но и никогда нельзя будетъ замѣнить сознательную мысль, теорію, въ частности психологическую дедукцію, указаніемъ на цифры практическаго успѣха.

Г. Б. Слюзбергъ, не затрогивая принципиальнаго вопроса объ условномъ осужденіи, обратился къ отвѣту на вопросъ, не представляется ли непреодолимыхъ препятствій къ введенію условнаго осужденія у насъ. Каждый судья знаетъ, что бываютъ случаи, когда подсудимый оправдывается и отпускается на свободу при наличности всѣхъ уликъ противъ него потому, что признать его преступникомъ нельзя. Это надо бы было возвести въ законъ; такимъ образомъ рѣчь идетъ о введеніи въ законъ того, что уже на практикѣ примѣняется безъ писанныхъ нормъ. Непреодолимые препятствія къ введенію условнаго осужденія заключаются въ шаткости признаковъ, при наличности которыхъ возможно примѣненіе условнаго осужденія. Формальные признаки носятъ въ высшей степени случайный характеръ: почему, напр., опредѣляется 6-ти мѣсячный срокъ тюремнаго заключенія, который можно замѣнять условнымъ осужденіемъ; почему, далѣе, исключается цѣлый рядъ дѣяній, по отношенію къ которымъ примѣненіе условнаго осужденія невозможно, напр., фискальныя нарушенія, уголовно-частныя преступленія, какъ этого хочетъ докладчикъ *И. М. Тютрюмовъ*? Но если формальные признаки несостоятельны, то остается допустить лишь внутренніе, въ самой личности лежащіе признаки для опредѣленія условій возможности примѣненія условнаго осужденія, но эти признаки неуловимы для законодателя; законъ не въ силахъ опредѣлить безчестность мотивовъ. Поэтому, можно прийти къ тому заключенію, что непреодолимое препятствіе къ введенію у насъ условнаго осужденія не въ отечественныхъ условіяхъ, а въ трудности чисто логическаго проведенія его въ законъ, не нарушая чувства справедливости. Надо суду дать право при наличности особо смягчающихъ обстоятельствъ ходатайствовать о совершенномъ помилованіи преступника, но съ тѣмъ, что въ случаѣ совершенія новаго преступленія, онъ подвергается наказанію и за старое. Такимъ образомъ, это будетъ не условное осужденіе, а условное помилованіе, какъ оно существуетъ въ прусскомъ законодательствѣ, но съ той особенностью, что право означеннаго ходатайства принадлежало бы суду, а не администраціи.

Д. А. Дриль указалъ на то, что наказаніе не можетъ быть справедливымъ мздовоздаяніемъ вины, которое принадлежитъ только Богу и собственной совѣсти человѣка. Задача суда человѣческаго гораздо скромнѣе—это огражденіе общества отъ зла преступленія, борьба съ послѣднимъ. Исторически сложившаяся тюрьма, и не только у насъ, а почти повсемѣстно, по общему признанію, лишь

развращаетъ и деградируетъ помѣщаемыхъ въ нее. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о человѣкѣ уже развращенномъ, съ стойкими преступными наклонностями, волей-неволей, за неимѣніемъ въ практикѣ ничего иного, приходится извлекать его на болѣе или менѣе долгій срокъ изъ общества и помѣщать въ тюрьму для храненія, затѣмъ на короткій срокъ выпускать, потомъ снова заключать, и такъ до тѣхъ поръ, пока самымъ теченіемъ возраста преступникъ не обезвредится. Ничего иного, исключая исправительно-воспитательныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ, да, быть можетъ, американскихъ Adult Reformatories для болѣе взрослыхъ, человѣчество еще не создало. Но насколько пригодно помѣщеніе въ развращающую тюрьму и въ томъ случаѣ, когда судъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ съ незапятнаннымъ прошлымъ, въ жизни котораго совершенное имъ сравнительно неважное преступленіе есть только эпизодическое явленіе и который самъ представляетъ лишь незначительные дефекты характера, такъ что достаточно сравнительно слабого воздѣйствія, чтобы предотвратить совершеніе имъ дальнѣйшихъ проступковъ и преступленій? Нужно ли и изъ него фабриковать въ тюрьмѣ на общественный счетъ преступника? Возражая, говорятъ: такъ уничтожьте тюрьму. Но такое предложеніе, какъ и предложеніе о немедленномъ подлежащемъ коренномъ пересозданіи всѣхъ тюремъ при теперешнихъ условіяхъ, можно дѣлать только въ кабинетѣ, предаваясь чисто отвлеченнымъ теоретическимъ построеніямъ, далекимъ отъ живой дѣйствительности съ ея данными — плотью и кровью. Новое же время ищетъ возможныхъ для даннаго времени и въ данномъ мѣстѣ цѣлесообразныхъ практическихъ выходовъ. Здѣсь поучителенъ примѣръ медицины, которая ищетъ и пробуетъ опытнымъ путемъ чисто практическія средства для борьбы съ болѣзнями и разстройствами. Аналогично этому должно поступать и практическое тюремовѣдѣніе, отыскивая и пробуя средства борьбы съ преступленіемъ и дѣйствуя при этомъ съ возможною пощадою того, хотя и развращеннаго, по внутренно глубоко несчастнаго человѣка, котораго мы называемъ преступникомъ и который есть подобный намъ членъ человѣческаго общества, до нѣкоторой степени, какъ справедливо указываютъ многіе, причастнаго къ его паденію. Въ ряду такихъ практическихъ средствъ рациональной борьбы съ преступленіемъ важное мѣсто должно быть отведено уже счастливо примѣняемому во многихъ государствахъ условному осужденію, которое есть наказаніе, а вовсе не безнаказанность, какъ здѣсь утверждали нѣ-

которые изъ говорившихъ сочленовъ. При существованіи института условнаго осужденія, человѣка ставятъ на судъ, заставляють переживать тяжелыя минуты слѣдствія, публичнаго уличенія, суда и всенароднаго осужденія, а затѣмъ создаютъ для него на долгій срокъ совершенно исключительное положеніе жизни подъ особой спеціальной угрозой приведенія въ исполненіе присужденнаго наказанія. Только развѣ утративъ чувство мѣры въ причиняемыхъ наказаніемъ страданіяхъ, можно утверждать, что условное осужденіе—ничто, безнаказанность. А если такъ, то та ассоціація идей преступленія и наказанія, о которой говорилъ г. Петражицкій, вовсе не разрывается при условномъ осужденіи. Г. Пюнтковскій уже указывалъ, что нашему народному суду и правосознанію извѣстно условное осужденіе и что поэтому они не видятъ въ немъ безнаказанности. Припомнимъ великое изрѣченіе: „Иди и впредь не грѣши“. По поводу его еще никто не рѣшался утверждать, что оно посягаетъ на идеи справедливости и связанна съ нею ассоціація идей. Общій рецидивъ, на который иногда указываютъ, и рецидивъ при примѣненіи условнаго осужденія—величины различныя. При усиливающемся вторженіи машинъ почти во всѣ отрасли производства, которое сопровождается вышвыриваніемъ освободившихся рукъ на переполненный рынокъ труда, и при усиливающемся подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, создаваемыхъ указаннымъ процессомъ, развитіи массоваго алкоголизма, общій рецидивъ неминуемо долженъ возрастать. Для насъ же теперь важна только цифра спеціальнаго рецидива среди лицъ, отпущенныхъ на испытаніе. И вотъ данныя государствъ, примѣняющихъ условное осужденіе, указываютъ намъ, что около 94% условно-осужденныхъ оправдываютъ оказанное имъ довѣріе. Нельзя не сказать, что это рѣшающее свидѣтельство опыта, которое, какъ и въ практически дѣйствующей медицинѣ, вполне оправдываетъ дальнѣйшее примѣненіе условнаго осужденія до тѣхъ поръ, пока до сихъ поръ не существующій опытъ не укажетъ на какіе-либо важные, намъ неизвѣстные, его недостатки.

С. К. Гогель замѣтилъ слѣдующее:

„Для того, чтобы составить себѣ правильный взглядъ на предметъ, надо избрать прежде всего вѣрно точку зрѣнія; если мы будемъ смотрѣть на условное осужденіе, какъ на институтъ, который будто бы можетъ переродить наше общество, устранить разъ навсегда преступность въ странѣ и т. д., то мы несомнѣнно будемъ крайне разочарованы,—всего этого условное осужденіе не

даетъ и не дастъ. Съ другой стороны, несправедливо только потому, что условное осужденіе не даетъ этихъ чрезвычайныхъ благъ, признавать ненужнымъ введеніе его; въ этомъ отношеніи вполне примѣнимъ знаменитый стихъ Вольтера: условное осужденіе не заслуживаетъ *ni cet d'honneur ni cet excés d'indignité*.

Условное осужденіе есть прежде всего одна изъ мѣръ наказанія, одна изъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ, созданная практической жизнью, подобно цѣлому ряду другихъ мѣръ, которыя создавались тою же жизнью. Такія мѣры существуютъ, примѣняются, приносятъ пользу многіе годы, прежде чѣмъ теорія, которая всегда запаздываетъ, успѣетъ опредѣлить природу созданной мѣры. Не можетъ однако, разумѣется, возникать и вопроса о томъ, не пріостановиться ли съ примѣненіемъ новой мѣры, въ данномъ случаѣ условнаго осужденія, пока теоретики не придутъ къ соглашенію относительно природы этой мѣры, такое предложеніе было бы такъ же основательно, какъ предложеніе не пользоваться услугами права, такъ какъ теоретики и до сихъ поръ не могли выработать какого-либо общепризнаннаго опредѣленія понятія права.

Нѣтъ! несомнѣнно, что условное осужденіе надо примѣнять, и именно въ виду тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыя оно даетъ въ дѣлѣ борьбы съ преступленіемъ. Эти выгоды дѣйствительно громадны, онѣ состоятъ въ томъ, что условное осужденіе даетъ легкой, дешевый и удачный способъ замѣны бесполезныхъ наказаній въ видѣ краткосрочныхъ лишеній свободы.

Въ одномъ 1894 году, по моимъ вычисленіямъ, въ нашихъ русскихъ тюрьмахъ отбывало тюремное заключеніе по приговорамъ суда 303,564 человекъ; средняя продолжительность содержанія каждаго изъ заключенныхъ составляла всего 43 дня, т. е. менѣе 1½ мѣсяца; эта средняя была бы еще меньше, если бы возможно было исключить изъ общей массы сравнительно небольшое число лицъ, присужденныхъ за болѣе важныя преступленія къ тюремному заключенію на долгіе сроки. Но если даже остановиться на цифрѣ—43 дня, то и то станетъ совершенно ясно, что это наказаніе совершенно бесполезное, въ особенности въ нашихъ тюрьмахъ съ общимъ заключеніемъ, отсутствіемъ работъ, отсутствіемъ школъ и библіотекъ.

Но и другая, самая легкая форма лишенія свободы примѣняется у насъ въ Россіи въ колоссальныхъ размѣрахъ, потому что денежный штрафъ никто, или почти никто (за исключеніемъ

очень обезпеченныхъ людей), не платитъ и всѣ предпочитаютъ отсидѣть въ „благородкѣ“ три, четыре дня, самое большое (какъ общее правило, въ среднемъ) одну, двѣ недѣли. Всякій, кто бывалъ въ нашихъ арестныхъ домахъ, знаетъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ настоящими мѣстами заключенія, это просто плохія гостиницы для простаго народа, съ отсутствіемъ не только работъ, школъ и библіотекъ, но и всякой дисциплины; заключенные лежатъ цѣлые дни, играютъ въ карты, ихъ охраняетъ одинъ сторожъ на весь арестный домъ; сторожъ этотъ имъ же прислуживаетъ, съ ними же ходитъ за покупками на рынокъ.

И вотъ условное осужденіе даетъ возможность не тратить напрасно денегъ на содержаніе въ мѣстахъ заключенія десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ людей, сохранить общественныя деньги для болѣе полезныхъ цѣлей, не отрывать осужденныхъ отъ семьи и отъ труда, не накладывать на нихъ клейма, которое препятствуетъ имъ возвратиться въ ряды нормальнаго общества.

Вотъ, правда, и все, но, какъ мнѣ кажется, и это чрезвычайно много; польза очевидна до полной несомнѣнности, и статистическія данныя только иллюстрируютъ ее, но не доказываютъ. Едва ли слѣдуетъ предъявлять статистикѣ, какъ предъявляются самому условному осужденію, чрезмѣрныя требованія; она ихъ удовлетворить не можетъ. Такъ, въ сегодняшнемъ засѣданіи одинъ докладчикъ требовалъ, чтобы статистика дала данныя о вліяніи условнаго осужденія, съ точки зрѣнія генеральной превенціи, не только на осужденныхъ и на способныхъ совершить преступное дѣяніе, но и на вполне нравственно здоровыхъ людей, и, только если такія данныя будутъ представлены, считалъ возможнымъ высказаться рѣшительно о пользѣ или вредѣ условнаго осужденія. Несомнѣнно, что такихъ статистическихъ данныхъ никогда не будетъ, статистика изъ области чисто внѣшнихъ фактовъ можетъ зарегистрировать далеко не все. Другой докладчикъ находилъ, что статистическія данныя о благопріятныхъ результатахъ примѣненія условнаго осужденія будутъ имѣть значеніе только тогда, если будутъ представлены данныя и о числѣ возвращающихся въ тюрьму изъ общаго числа тѣхъ, которые впервые отбыли наказаніе въ тюрьмѣ. Такія данныя даются отчетами англійскихъ тюремъ ¹⁾: изъ нихъ видно, что изъ числа впервые отбывшихъ тюремное заключеніе 70% не возвращается; такимъ образомъ можно сдѣлать

¹⁾ Report from the Departm. Committee on Prisons 1895.

и сравненіе: если изъ числа отбывшихъ впервые тюрьму 30% возвращается назадъ въ тюрьму, то изъ числа условно осужденныхъ въ той же Англій только 6 или 7% впадаютъ вновь въ преступленіе; разница въ пользу условнаго осужденія въ 24%. Но, разумѣтся, эти данныя приблизительныя, нельзя при помощи статистическихъ данныхъ пробовать разрѣшать вопросъ о вліяніи условнаго осужденія на ростъ преступности; ростъ преступности—явленіе крайне сложное, а условное осужденіе институтъ слишкомъ недавно примѣняемый, чтобы приводить то и другое въ связь. Но разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ вовсе не представляется необходимымъ для того, чтобы правильно судить о полезности условнаго осужденія; оно полезно само по себѣ, какъ мѣра гуманная, дешевая, соотвѣтствующая истиннымъ задачамъ борьбы съ преступностью, а статистическія данныя, иллюстрируя полезность этой мѣры, доказываютъ, что во всякомъ случаѣ вреда отъ нея для борьбы съ преступностью не происходитъ.

Вообще, чѣмъ проще мы будемъ смотрѣть на условное осужденіе, тѣмъ меньше мы будемъ усматривать препятствій къ введенію его въ Россіи. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, по поводу условнаго осужденія, этого скромнѣйшаго института, который скорѣе всего, по размѣру власти, предоставляемой имъ судѣ, можетъ быть приравненъ къ смягченію наказанія, говорить о возможности произвола со стороны судей, о колебаніи въ народѣ чувства законности, и все это послѣ того, какъ 30 лѣтъ тому назадъ великіе, благородные и мужественные составители Судебныхъ Уставовъ оказали такое громадное довѣріе и судьямъ, и народу, призвавъ тѣхъ и другихъ на такихъ свободныхъ началахъ къ разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ; въ эти 30 лѣтъ и судьи, и присяжные оправдали оказанное имъ довѣріе.

Нельзя также видѣть въ устройствѣ регистраціи препятствіе къ введенію у насъ условнаго осужденія; мнѣ еще до сихъ поръ никто не указалъ, чтобы при устройствѣ этой регистраціи у насъ надо было преодолѣть большія трудности, чѣмъ въ другихъ европейскихкихъ государствахъ; тамъ онѣ устранены прекрасно, то же самое будетъ и у насъ. Волостныя правленія наши и теперь обладаютъ прекрасными свѣдѣніями о судимости приписанныхъ къ волости, и эти свѣдѣнія оказываютъ громадную пользу слѣдственной власти; нѣкоторое упорядоченіе собиранія этихъ данныхъ, наряду съ собираніемъ данныхъ у прокурора суда, какъ предложено мною въ проектѣ закона, и затрудненія по регистраціи

будутъ преодолены. Не надо только самимъ намъ создавать затрудненія. Такъ, въ проектѣ, представленномъ нынѣ И. М. Тютрюмовымъ, предлагается представленіе на пропускъ лицъ прокурорскаго надзора всѣхъ приговоровъ судовъ, коими предоставляется осужденнымъ отсрочка наказанія. Если бы такое предложеніе осуществилось, то получилось бы колоссальное замедленіе въ отправленіи правосудія, но что еще важнѣе—былъ бы нарушенъ основной принципъ условнаго осужденія, какъ института чисто судебного, основаннаго на началѣ непосредственности; другое дѣло контроль апелляціонной инстанціи, въ видѣ вторичнаго разбора дѣла. Много и другихъ положеній проекта г. Тютрюмова представляются мнѣ затруднительными для исполненія и ненужными, но остановиться на нихъ я не успѣю, и позволю себѣ сказать только въ заключеніе, что если еще раздаются голоса противъ введенія у насъ условнаго осужденія, то объясняется это тѣмъ, что мы, при всей нашей склонности слѣдовать модѣ З. Европы, значительно отъ нея отстаемъ; у насъ принято выдавать за послѣднюю моду то, что въ Европѣ уже сдано въ архивъ лѣтъ двадцать тому назадъ; тогда мы читали, а съ тѣхъ поръ читать перестали, а потому-то мы все продолжаемъ повторять то, что говорилось лѣтъ двадцать назадъ. Мы все еще, поэтому, склонны вѣрить, что единственное средство въ борьбѣ съ преступностью—это лишеніе свободы въ различныхъ видахъ. Мы склонны увеличивать число этихъ видовъ до безконечности, не имѣя возможности осуществить почти ни одного, довольствоваться дозированиемъ ненужныхъ и несуществующихъ наказаній, рассуждать о теоретической правильности института условнаго осужденія, въ то время какъ въ Европѣ гуляютъ сотни тысячъ условно осужденныхъ, и не теоретики, а министры юстиціи въ своихъ отчетахъ расточаютъ похвалы такому положенію.

Пора и намъ давно отстать отъ дурной привычки и не закрывать глазъ на полезное и современное въ сосѣднихъ намъ государствахъ.

И. Г. Щелловитовъ полагалъ, что касаться теоретической стороны вопроса едва-ли поможетъ дѣлу; важно выяснить практическую сторону вопроса, опредѣлить, находимся ли мы въ тѣхъ условіяхъ, когда можно намъ принять условное осужденіе и каковы условія примѣненія его. Условія эти сводятся преимущественно къ вопросамъ судебного свойства: 1) къ судебной организаціи и 2) къ бытовымъ мѣстнымъ условіямъ.

Сущность перваго вопроса лежитъ въ организаціи мѣстной юстиціи, такъ какъ именно на долю этой послѣдней выпадаетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, примѣненіе условнаго осужденія, и ею постановляется большинство приговоровъ о краткосрочныхъ лишеніяхъ свободы.

Несомнѣнно, однако, что органы мѣстной юстиціи, представляемой главнымъ образомъ единоличными судьями, являются во всѣхъ государствахъ слабѣйшей частью современнаго судебного строя; наиболѣе основательныя опасенія въ допущеніи судомъ произвола при разрѣшеніи дѣлъ относятся большею частью, если не исключительно, къ судьямъ единоличнымъ, которые именно по своему положенію представляютъ наименьшія гарантіи неуклоннаго исполненія закона. Этими опасеніями и должно быть объяснено допущеніе во всѣхъ государствахъ апелляціи на приговоры единоличныхъ судей, въ существѣ апелляціи лежитъ несомнѣнно недоувѣріе къ первоначальному приговору.

Неудовлетворительность постановки органовъ мѣстной юстиціи вообще въ нашемъ отечествѣ представляется особенно существенной. Здѣсь говорили о невозможности оказать недоувѣріе нашимъ судьямъ, доказавшимъ за время 30-лѣтняго существованія новыхъ судовъ свое высокое безпристрастіе и воздержаніе отъ самадѣйшихъ проявленій судейскаго произвола. Но этотъ тридцатилѣтній опытъ не говоритъ ничего въ пользу тѣхъ новыхъ единоличныхъ судей, которые введены у насъ закономъ 12 іюля 1889 г. и замѣняютъ постепенно почти во всей Россіи мировыхъ судей; для нихъ начала, выработанныя прежними судами, представляются чужими и въ какой мѣрѣ они пожелаютъ усвоить эти начала—пока неизвѣстно, въ особенности въ виду особыхъ условій, въ которыя поставлена закономъ ихъ дѣятельность по сравненію съ дѣятельностью мировыхъ судей, облеченныхъ однѣми судебными функціями. Далѣе, другимъ, чисто русскимъ, бытовымъ, условіемъ является медленность и безуспѣшность нашего розыска, благодаря громаднымъ разстояніямъ и крайней недостаточности органовъ, производящихъ розыскъ, которые къ тому же мало удовлетворяютъ самымъ умѣреннымъ и существеннымъ требованіямъ въ качественномъ отношеніи; самые важные преступники остаются нерозысканными и большинство производствъ прекращается за необнаруженіемъ виновныхъ; неужели и тѣхъ немногихъ виновныхъ, которые обнаружены, мы будемъ освобождать отъ наказанія; такимъ путемъ мы ослабимъ и нынѣ незначительную силу нашей уголовной репрессіи.

Какъ бы хорошо у насъ ни была организована регистрація, она все-таки будетъ влечь за собой трату времени для судьи на пополненіе свѣдѣній, вслѣдствіе чего возрастетъ процессуальная медленность. Патронатовъ у насъ нѣтъ. Итакъ, если, по мнѣнію многихъ, институтъ условнаго осужденія и весьма полезенъ, то все-таки принятіе его у насъ сопряжено съ такими затрудненіями, которыя заставляютъ сомнѣваться въ его цѣлесообразности. Поэтому, съѣзду слѣдовало бы высказаться въ томъ смыслѣ, что введеніе у насъ условнаго осужденія нежелательно и невозможно.

Н. А. Ковалевъ: „Я былъ долгое время почетнымъ мировымъ судьей, предсѣдательствовалъ подолгу въ съѣздѣ мировыхъ судей и, наконецъ, по убѣжденію принялъ должность земскаго начальника, которую исполняю и нынѣ. На основаніи моего служебнаго опыта я рѣшительно утверждаю, что на практикѣ никакихъ препятствій къ введенію условнаго осужденія не встрѣтится и что примѣненіе его не вызоветъ въ народѣ ни малѣйшаго колебанія чувства законности. Скажу болѣе, отсрочка исполненія наказанія въ различныхъ видахъ примѣняется и нынѣ и, не вызывая соблазна, приноситъ лишь пользу. Такъ, помимо приведенныхъ здѣсь примѣровъ примѣненія условнаго осужденія волостными судами, я могу указать, что и въ своей практикѣ я прибѣгалъ къ отсрочкѣ исполненія наказанія, имѣвшей очень много общаго съ условнымъ осужденіемъ; когда волостной сходъ, по жалобѣ жены, приговаривалъ мужа за пьянство къ розгамъ, я отсрочивалъ исполненіе приговора на мѣсяцъ и ставилъ при этомъ такое условіе: если въ теченіе этого мѣсяца мужъ не запьетъ и женѣ не придется на него жаловаться, я замѣню розги краткосрочнымъ арестомъ, если, наоборотъ, жена пожалуется, приговоръ схода будетъ приведенъ въ точности въ исполненіе, и въ результатѣ мнѣ приходилось часто замѣнять розги арестомъ.

Разумѣется земскій начальникъ не можетъ знать всѣхъ подсудимыхъ лично, но онъ всегда и вполне легко при содѣйствіи извѣстныхъ ему лицъ, находящихся въ той же залѣ засѣданія, можетъ съ полною достовѣрностью выяснить личность подсудимаго, его характеръ и его судимость.

Разумѣется также нуженъ и вполне возможенъ контроль, но контроль не товарища прокурора, который все-таки не мѣстный человѣкъ, часто мѣняетъ участки и можетъ отнестись къ дѣлу только формально, а контроль уѣзднаго члена суда, который знаетъ мѣстныя дѣла, мѣстныхъ людей, который осуществляетъ

его и нынѣ, такъ какъ о всякой отсрочкѣ наказанія земскіе начальники доносятъ уѣздному съѣзду.

Я думаю, поэтому, что ввести условное осужденіе и желательно, и возможно“.

И. Я. Фойницкій: „Гг. Въ сегодняшнемъ засѣданіи съѣзда мы выслушали какъ противниковъ условнаго осужденія, такъ и сторонниковъ его, при чемъ обоимъ направленіямъ была предоставлена самая широкая свобода слова. Вникая въ доводы противниковъ, нельзя не подчеркнуть ихъ крайней теоретичности; всѣ они относятся къ Begriffs-Jurisprudenz, а не къ юриспруденціи дѣйствительной жизни. Съ точки зрѣнія первой понятно одно изъ двухъ: или наличность наказанія, или отсутствіе его; средняя же между ними мѣра, даваемая условнымъ осужденіемъ, не укладывается въ готовыя логическія рамки, отвлеченнымъ путемъ ею установленныя. Впрочемъ, защитникамъ непремѣнности наказанія за каждую вину (*nullum crimen sine poena*) можно отвѣтить, что Тѣмида современная перестала быть слѣпою богинею, она сбросила съ глазъ своихъ повязку и вооружилась научными знаніями, при помощи которыхъ тщательно всматривается въ подлежащее ея обсужденію. Можно напомнить имъ, что уже наличные законы объ исполненіи наказаній лишеніемъ свободы, частью въ виду цѣлей колонизаціонныхъ, частью въ виду цѣлей исправительныхъ, существенно колеблютъ положенія, начертанныя въ законахъ чисто уголовныхъ, и отъ стараго объективистическаго правила „око за око“ почти ничего не осталось въ виду признанія огромнаго значенія за моментомъ субъективной виновности. Притомъ, условное осужденіе есть не непремѣнное погашеніе наказанія, а лишь возможное; даже при пазначеніи его наказаніе можетъ и наступить. Примѣняя условное осужденіе, судъ предварительно ставитъ и рѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о виновности и назначаетъ за нее опредѣленное наказаніе; въ этомъ нельзя не видѣть момента репрессивнаго,—хотя, какъ мнѣ потомъ еще придется сказать, я отнюдь не сторонникъ взгляда на условное осужденіе какъ на самостоятельное наказаніе. Противъ довода, рекомендующаго условное осужденіе какъ мѣру, освобождающую случайнаго преступника отъ бесполезнаго наказанія, возражаютъ вопросомъ: но почему же, если наказаніе бесполезно, не устранить его безусловно? Однако 1) самый доводъ изложенъ неточно, такъ какъ ни одинъ изъ защитниковъ условнаго осужденія не предлагаетъ при помощи этого института освободить отъ

наказанія *всѣхъ*, такъ наз., случайныхъ преступниковъ; 2) поставленный вопросъ ярко свидѣтельствуесть о нежеланіи считаться съ дѣйствительною жизнью, которою именно и указано громадное педагогическое значеніе мѣръ условныхъ, вызывающихъ личное содѣйствіе самого наказываемаго карательнымъ цѣлямъ государства; достаточно указать на условное досрочное освобожденіе, тою же идеею вызванное и уже обошедшее весь цивилизованный міръ. Въ основаніи такой условности лежитъ и допущеніе возможности судебной ошибки, что ежедневно и ежечасно доказывается дѣйствительною жизнью, но на что представители *Begriffs-Jurisprudenz* опять-таки упорно закрываютъ глаза. Говорятъ, условное осужденіе превращаетъ помилованіе изъ акта исключительнаго въ актъ постоянный; но условное осужденіе прежде всего не есть помилованіе, и защитниками его оно предлагается со всею осторожностью. Поэтому, нельзя согласиться съ конструкціею, допускающею его, какъ расширеніе института смягчающихъ обстоятельствъ; признаніемъ послѣднихъ точно опредѣляется мѣра отвѣтственности въ виду установленнаго на судѣ *прошлаго* подсудимаго, условное же осужденіе имѣетъ въ виду *будущее* поведеніе его, послѣ постановленія приговора. Говорятъ, между англо-американскою системою испытанія, выработавшеюся изъ системы поручительства, и континентальнымъ условнымъ осужденіемъ, оставляющимъ осужденнаго безъ всякаго дѣйствительнаго надзора, нѣтъ ничего общаго; но утвержденіе это слишкомъ смѣло; родство между обѣими формами этого института несомнѣнно, какъ несомнѣнна и преемственность ихъ; притомъ, существу условнаго осужденія не только не противорѣчитъ установленіе надъ осужденнымъ дѣйствительнаго надзора и оказаніе ему поддержки въ честной жизни путемъ патроната, но это даже крайне желательно. Говорятъ, въ условномъ осужденіи нѣтъ карательнаго момента; но съ этимъ охотно соглашаются и многіе защитники условнаго осужденія, понимающіе его какъ погасительную отсрочку исполненія приговора; такое пониманіе представляется наиболѣе правильнымъ и при немъ устраняются многія вѣскія возраженія, дѣлаемая при фикціи карательнаго значенія въ условіи воздерживаться отъ новыхъ преступленій. Укажу напр., что, будь условное осужденіе само по себѣ наказаніемъ, то примѣненіе къ осужденному при неудовлетворительности искуса того наказанія, которое опредѣлено ему судомъ, было бы нарушеніемъ принципа: *non bis in idem*. Но если и нельзя считать условное осужденіе какимъ-то самостоятельнымъ, психическимъ на-

казаніемъ, все же въ немъ есть моментъ репрессивный; виновность судомъ признана и наказаніе опредѣлено, лишь временно и условно оно приостановлено; этимъ, очевидно, положеніе условно-осужденнаго существенно отличается отъ положенія обыкновеннаго гражданина, стоящаго подъ общею угрозою уголовного закона: у послѣдняго есть шансы не быть осужденнымъ, которыхъ уже нѣтъ у перваго. Говорятъ, далѣе, что статистика не доказываетъ того, что утверждаютъ защитники условнаго осужденія; на это замѣчаніе уже данъ отвѣтъ въ сегодняшнемъ засѣданіи; прибавлю, что каждое явленіе общественности, и особенно явленія нравственнаго порядка, имѣютъ столь сложныя причины, что ни одно статистическое изслѣдованіе никогда не указывало и не можетъ указать точнаго значенія каждой изъ этихъ причинъ. Говорятъ, что условное осужденіе далеко не вездѣ принято; но если бы вопросъ о немъ повсемѣстно былъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, то и намъ незачѣмъ было бы собираться. Говорятъ, наконецъ, что условное осужденіе полезно съ точки зрѣнія делинквентовъ, вредно съ точки зрѣнія аспирантовъ преступности или рефлектантовъ и безразлично съ точки зрѣнія здоровой народнои массы, что во всякомъ случаѣ оно ослабляетъ въ умахъ населенія сознаніе неизбѣжности наказанія при учиненіи преступнаго дѣянія; но, съ одной стороны, дѣленіе это слишкомъ отвлеченно и выводы изъ него не доказаны; съ другой—при примѣненіи наказанія нужно имѣть въ виду прежде всего и больше всего именно самого наказываемаго. Это одна изъ аксіомъ ученія о наказаніи, какъ области опытнаго знанія.

Въ дѣйствительности, условное осужденіе (не будемъ поднимать вопроса о названіи, теперь это не время) есть высоко-разумная мѣра педагогическая, даваемая самою жизнью. Правда, въ ней заключается отрицаніе формализма и прямолинейности, а потому она предполагаетъ болѣе развитое, внутреннее отношеніе къ личности въ противоположность чисто внѣшнему, формальному. Опытъ показываетъ, что непреклонность въ примѣненіи суровыхъ мѣръ плохая педагогическая система. Маленькія наказанія, сразу назначаемыя, имѣютъ большіе недостатки; никого не устрашая и не исправляя, они озлобляютъ наказываемаго, приучаютъ его къ наказанію, ослабляя спасительный страхъ послѣдняго, и такимъ образомъ составляютъ наклонную плоскость, по которой недавній новичокъ въ преступленіи быстро превращается въ привычнаго преступника. Разумный отецъ семейства знаетъ,

что наказывать надо не сразу; то же сознание съ течениемъ времени укореняется въ практикѣ школьной, а мало по малу оно должно было проникнуть и въ сферу судебную. И въ мысли этой нѣтъ ничего искусственнаго; напротивъ, она настолько проста и естественна, настолько въ частности сродна русскому уму, что мы встрѣчаемъ ее у насъ уже въ нашихъ старыхъ памятникахъ права: таково несомнѣнно по Соборному Уложенію поручительство, прекращавшее примѣненіе тюремнаго заключенія; мѣра эта замерла въ нашемъ дальнѣйшемъ законодательствѣ лишь подъ вліяніемъ формализма иностранныхъ заимствованій, но, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, она удержалась и получила дальнѣйшее развитіе въ практикѣ нашихъ волостныхъ судовъ, которые при примѣненіи ее не встрѣчаютъ никакихъ трудностей. Суды же государственные, по невозможности прямо примѣнять ее, для той же цѣли прибѣгаютъ къ вынесенію оправдательныхъ приговоровъ за первую вину, хотя и несомнѣнную. Эта живучесть идеи свидѣтельствуетъ, конечно, о крупныхъ достоинствахъ условнаго осужденія. И въ самомъ дѣлѣ, по существу своему оно должно быть признано весьма желательнымъ институтомъ справедливости, человѣчности и государственной пользы. Справедливости—какъ потому, что при помощи его получаетъ болѣе полное выраженіе начало индивидуализированія наказанія, соответствія его съ дѣйствительною виною, такъ и потому, что оно избавляетъ судей отъ необходимости постановлять оправдательные приговоры вопреки очевидности и собственному убѣжденію; человѣчности, гуманности—потому, что имъ сокращается безцѣльное примѣненіе зла наказанія; государственной пользы—потому, что, непосредственно заинтересовывая самого наказываемаго въ воздержаніи отъ преступленій, этотъ институтъ привлекаетъ могучіе духовные факторы личности на служеніе карательной политики государства и потому долженъ необходимо имѣть въ результатѣ сокращеніе цифры преступленій.

Но затѣмъ замѣчаютъ, что имѣются спеціальныя препятствія въ условіяхъ русской жизни противъ принятія нашимъ законодательствомъ условнаго осужденія, при чемъ указываютъ: 1) на законъ 1889 г., создавшій земскихъ начальниковъ, и 2) на трудности регистраціи отсрочки исполненія приговора. Весьма жаль, что этой практической стороны вопроса сегодня мало коснулись защитники условнаго осужденія. Обращаясь къ разсмотрѣнію указываемыхъ препятствій, нельзя признать ихъ непреодолимыми. Гово-

рять, того чрезвычайнаго довѣрія къ судебнымъ органамъ, которое предполагается условнымъ осужденіемъ, законодатель не можетъ имѣть къ земскимъ начальникамъ. Но вѣдь (не касаясь вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ сохранить институтъ земскихъ начальниковъ, и принимая его, какъ наличный фактъ) еще большее нужно имѣть къ нимъ довѣріе для того, чтобы дать имъ право постановлять приговоры безусловные, оправдательные и обвинительные, послѣдніе даже до 1 года тюрьмы; притомъ, между земскими начальниками въ мѣстностяхъ, мнѣ извѣстныхъ, есть много бывшихъ мировыхъ судей, и въ этихъ мѣстностяхъ дѣятельность ихъ отнюдь не дурна, сколько я могъ судить по личнымъ наблюденіямъ. Наконецъ, есть возможность установить за земскими начальниками и судебный контроль, путемъ ли мѣры, указанной И. М. Тютрюмовымъ, или путемъ допущенія жалобы въ судъ и т. п. Что касается регистраціи, то въ предѣлахъ мѣстныхъ она совершенно обезпечена данными, имѣющимися въ волостныхъ правленіяхъ; затрудненія могутъ возникать лишь относительно случаевъ, когда подсудимый судился не въ мѣстѣ постояннаго его жительства, принадлежитъ къ элементу пришлому и ведетъ жизнь подвижную. Но и онѣ могутъ быть значительно ослаблены. Такъ, я не могу согласиться съ предложеніемъ И. М. Тютрюмова о томъ, что условное осужденіе можетъ быть даваемо только разъ; возможно и болѣе справедливо установить давностный срокъ безпорочной жизни, по истеченіи котораго эта мѣра могла бы быть повторена; и тогда очевидно, что фактъ несудимости придется устанавливать не за всю жизнь даннаго лица, а только въ теченіе такого срока, что гораздо легче. Есть затѣмъ возможность принять и другія мѣры, напр., выдавать условно осужденному копию приговора съ обязанностью предьявленія ее суду и съ установленіемъ отвѣтственности за непредьявленіе и за ложное показаніе о судимости, или даже съ отмѣткою на паспортѣ; конечно, эти мѣры имѣютъ и неудобства, но послѣднія, я увѣренъ, можно смягчить значительно, если внимательно и сообща подумать о томъ. Но самое главное возраженіе противъ довода, опирающагося на трудности регистраціи отсрочки, состоитъ въ томъ, что, по самому существу этой мѣры, такая отсрочка можетъ быть предоставляема только лицамъ, прежняя безупречность которыхъ для суда несомнѣнна. Такъ что если отъ недостатка регистраціи и можетъ произойти какая-либо опасность, то выразится она въ томъ, что отсрочка не будетъ предоставлена нѣкоторымъ лицамъ, ее заслуживающимъ, а не наоборотъ.

Вотъ почему, думается мнѣ, указываемыя противъ условнаго осужденія препятствія не должны останавливать насъ. И будь они даже во много разъ больше, съ ними слѣдовало бы считаться, сдаваться же передъ ними и во имя ихъ жертвовать несомнѣнно хорошимъ институтомъ значило бы обнаруживать нѣкоторую вялость и дряблость характера. А этого у русскаго народа пока не замѣчалось. Бывало, что иностранцы упрекали насъ въ противномъ, именно въ смѣлости, иногда даже доходившей въ ихъ глазахъ до дерзости, напр., при введеніи суда присяжныхъ, но дальнѣйшее всегда показывало, что такая смѣлость имѣла свои основанія и блистательно оправдывалась добрыми результатами. Проявимъ же ее, гг., и по отношенію къ условному осужденію, этому прекрасному институту справедливости, гуманности и государственной пользы“.

По окончаніи преній былъ объявленъ перерывъ въ 10 минутъ, по истеченіи которыхъ было приступлено къ составленію резолюціи съѣзда.

Э. Я. Фуксъ прочелъ слѣдующій проектъ резолюціи:

„1) Съѣздъ русскихъ криминалистовъ, находя вполнѣ возможнымъ преодолѣніе препятствій, указываемыхъ противъ немедленнаго введенія въ Россіи института условнаго осужденія, высказываетъ пожеланіе о скорѣйшемъ принятіи этого прекраснаго института справедливости, человѣчности и государственной пользы.

2) Въ качествѣ мѣръ, пригодныхъ для преодолѣнія указанныхъ трудностей, съѣздъ рекомендуетъ: а) ограниченное на первое время допущеніе въ законодательствѣ этого института, съ возможно болѣе точнымъ указаніемъ условій его и съ правомъ примѣненія его исключительно къ лицамъ, суду извѣстнымъ; б) обезпеченіе надлежащаго контроля надъ приговорами единоличныхъ судей по этому предмету“.

Проектъ этой редакціи вызвалъ нѣсколько возраженій. В. В. Пржевальскій высказался за исключеніе словъ „извѣстныхъ суду“ изъ второй части резолюціи. Г. Б. Сліозбергъ предложилъ не предрѣшать окончательно формы условнаго осужденія, которое скорѣе всего является условнымъ помилованіемъ, что и отмѣтить въ резолюціи. М. М. Боровитиновъ предлагалъ исключить слово „справедливости“.

Первымъ подверглось обсужденію предложеніе Г. Б. Сліозберга, по поводу котораго И. Я. Фойницкій замѣтилъ, что и въ докладахъ, и въ преніяхъ имѣлось въ виду условное осужденіе какъ актъ судебной дѣятельности, а не какъ актъ помилованія верхов-

наго или административнаго, и если по этому предмету резолюція возбуждаетъ какія-либо сомнѣнія, то лучше дополнить ее; С. К. Гогель предложилъ добавить въ резолюціи слова: „въ формѣ судебного института“. Результатомъ обмѣна мнѣній по этому поводу явилось добавленіе въ текстѣ резолюціи: „какъ судебного“ (института).

По поводу предложенія объ исключеніи слова „справедливости“ изъ текста проекта резолюціи М. М. Боровитиновъ высказывался за исключеніе этого слова потому, что на эту черту института не указывали вовсе его сторонники. С. А. Муромцевъ указывалъ, что ссылка на справедливость философски-теоретическая, вслѣдствіе чего слово „справедливость“ было бы лучше замѣнить словомъ „цѣлесообразность“. А. А. Левенстимъ стоялъ за исключеніе слова „справедливости“ для того, чтобы резолюція не носила излишней витіеватости, и тоже предлагалъ замѣнить его словомъ „цѣлесообразность“. Л. И. Петражицкій высказывался противъ слова „справедливости“, такъ какъ суть института—техника цѣлесообразности, а не справедливости. В. В. Пржевальскій, напротивъ, стоялъ за оставленіе слова „справедливость“, которое не противорѣчитъ вовсе „цѣлесообразности“. И. Я. Фойницкій указывалъ, что именно отличительной чертой института является его справедливость, какъ потому, что имъ достигается большее индивидуализированіе отвѣтственности, такъ и потому, что онъ открываетъ возможность воздерживать отъ примѣненія наказаній не нужныхъ; если съѣздъ выброситъ это слово, наши противники не преминутъ сдѣлать отсюда выводъ, будто бы условное осужденіе самъ съѣздъ призналъ за институтъ несправедливый. Большинство съѣзда постановило оставить слово „справедливость“.

В. В. Пржевальскій предложилъ вмѣсто словъ „лицъ, суду извѣстныхъ“, включить въ резолюцію другія—„въ случаѣ признанія судомъ отсутствія въ обвиняемомъ устойчивости преступной наклонности, равно и небезчестности мотивовъ дѣянія“.

По этому поводу Н. А. Ковалевъ высказалъ, что хотя ему, много лѣтъ исполняющему судейскія обязанности въ томъ же участкѣ, не можетъ быть *извѣстно* большинство подсудимыхъ, но выяснить личность при содѣйствіи лицъ ему извѣстныхъ онъ можетъ легко, даже тутъ же въ камерѣ; И. Я. Фойницкій находилъ, что дѣйствительно можно и не включать требованія, чтобы лица, къ которымъ примѣняется условное осужденіе, были извѣстны суду, ибо необходимость выполненія этого условія и безъ особаго

упоминанія понятна само собою, какъ вытекающая изъ самаго принципа института. С. К. Гогель находилъ, что или надо включить слова „по надлежащемъ выясненіи личности подсудимаго“, или, если допустить, что это требованіе понятно и безъ особаго упоминанія, ограничиться исключеніемъ слова „извѣстныхъ“. Выслушавъ эти пренія, съѣздъ высказался за исключеніе слова „извѣстныхъ“ изъ проекта резолюціи.

Поставленная послѣ этого на голосованіе съѣзда резолюція была принята съѣздомъ большинствомъ 16 голосовъ противъ 3, а 2 члена воздержались отъ голосованія ¹⁾). Окончательно выработанный текстъ резолюціи слѣдующій:

„1. Съѣздъ русскихъ криминалистовъ, находя вполне возможнымъ преодолѣніе препятствій, указываемыхъ противъ немедленнаго введенія въ Россіи института условнаго осужденія, какъ судебного, высказываетъ пожеланіе о скорѣйшемъ принятіи нашимъ законодательствомъ этого института справедливости, человѣчности и государственной пользы. 2. Въ качествѣ мѣръ, пригодныхъ для преодолѣнія указанныхъ трудностей, съѣздъ рекомендуетъ: а) ограниченное на первое время допущеніе въ законодательствѣ этого института съ возможно болѣе точнымъ указаніемъ условій его; б) обезпеченіе надлежащаго судебного контроля надъ приговорами единоличныхъ судей по этому предмету“.

По окончаніи преній И. Я. Фойницкимъ были сообщены съѣзду благодарственныя телеграммы Н. С. Таганцева и А. К. Вульфберта.

Затѣмъ предсѣдатель комитета группы И. Я. Фойницкій сообщилъ собранію, что комитетъ, въ виду увеличенія размѣра ежегоднаго членскаго взноса лиссабонскимъ съѣздомъ Международнаго Союза, полагалъ предложить увеличить ежегодный взносъ и для членовъ русской группы, но по ближайшемъ обсужденіи этого вопроса пришелъ къ убѣжденію, что въ настоящее по крайней мѣрѣ время не представляется настоятельной необходимости въ такомъ увеличеніи, и что вопросъ объ этомъ можно отложить до слѣдующаго съѣзда.

Послѣ этого собраніе разрѣшило вопросъ о замѣщеніи вакансіи въ кандидаты члена комитета, открывшейся въ виду смерти В. П. Даневскаго, избравъ единогласно на эту вакансію И. М. Тютрюмова.

Наконецъ по предложенію предсѣдателя собранія Э. Я. Фукса

¹⁾ Въ голосованіи не участвовали А. К. фонъ-Резонъ и А. О. Фридландеръ, противъ введенія высказались И. Г. Щегловитовъ, М. М. Боровитиновъ и Г. Г. Евангуловъ, воздержались отъ голосованія Л. И. Петражицкій и Г. Б. Слюзбергъ.

съѣздъ постановилъ выразить благодарность г. Министру Юстиціи за предоставленіе помѣщенія и за оказанное вниманіе къ русской группѣ, послѣ чего Э. Я. Фуксъ передалъ предсѣдательство предсѣдателю комитета группы И. Я. Фойницкому. Тогда собраніе, по предложенію И. Я. Фойницкаго и Л. І. Петражицкаго, выразило благодарность Э. Я. Фуку, В. Д. Спасовичу и секретариату съѣзда, и въ 4 часа 30 минутъ пополудни И. Я. Фойницкій объявилъ первый съѣздъ русской группы Международнаго Союза криминалистовъ закрытымъ.

Подлинный журналъ подписали:

В. Д. Спасовичъ
Э. Я. Фуксъ
И. Я. Фойницкій
А. А. Левенстимъ
С. К. Гогель
А. А. Жижиленко
В. Д. Набоковъ
В. В. Пржевальскій

